

/восстановлен по памяти г.м. Юраин/.

юстар суда: судья Балкова, заседатели Аксенов и Анохин, прокурор Астяков, адвокаты Белевров /26.09/, Егорюк. Статья 70, ч.1.

Новосельцев арестован 10.01.83, следствие велось в изоляторе "Изборово", следователь Цопов. Окончание следства 20.06, дело находилось

суде около двух месяцев, содержание 6-том., место рассмотрения - бывшее общежитие Каланчевской ул. Союзная, предъявление аресту Новосельцева: 10.11.82 - обвинение вм единоличной заставке с требованием восстановить на работе уволенного в ак предпринятия /ВИСТИ/ инструктора; 12-27.11 - арест на 15 суток до принятия предпринятия, увольнение "за прогул" в 9.11 /приказ от 22.12.82/; 5.12 - опись на квартире Новосельцева, изъятие находившиеся в обладательстве заявителя и находящиеся в деле монография диплома "Новая эпоха" и помарка Новосельцева "Влающие власти /боксопия/, материалы обиска 4 апреля 1979 и 14 апреля 1981 по телевизионному "делу №6611-14-79" за процесс не фигурировали; 10.12.82 - попытка Новосельцева пронести между 18 и 19 часами на плечо Пушкина, он был задержан на улице и доставлен в отделение милиции по месту жительства без объяснения причин.

Первый день суда, 26.09.83, начало заседания в около 11 утра - отмечалось наиболее ощущим успехом: тем, что суджение было отложено на неделю по требованию подсудимого и его жены. Но - по порядку:

В 10 час 10 мин. в зал №6, самой тесной из помещений Мосгорсуда, первого скамье для публики, вошла судья Балкова и удалилась в заседательную комнату, отказавшись переговорить с женой подсудимого и принять от нее заявление. Жена, пришедшая несколько раньше, как и все, явившиеся в суд по разным делам, кроме слушающих, были задержаны у дверей здания милиционером и предсекущей таличкой: "ВХОД С 10 ЧАСОВ". После официального впуска в здание обнаружилось, что зал №6 открыт, но проникнуть в него нельзя: несколько рабочих сидели у дверей, внутрь дежурил штатский в повязке "разпорядитель", один из которых в течение всего процесса.

В 10.15 прошел Новосельцев. Он был заметно на подъеме, срадо-дик как встречей с женой, настроен по-своему /3 месяца он находился без всякой связи с внешним миром, так как даже адвокат к нему не ходил; таким образом, суд явился для него единственным, на несколько лет вперед, возможностью публично заявить о себе в своих убеждениях, может быть, лучшими часами всей предшествующей жизни, он же, как на праздник, и бол/. В 10.40, после изодиократичных приветствий Трезубца и жены, пустив "поблажку": двух известных /в дальнем их смыслах другие, большие члены в явно гэбистского костюме, одни, сидя "флореты", сидят специально в первом ряду, чтобы загораживать от Новосельцева левый, "сочувственный" угол задней скамьи/, жену и ее приятельницу, сидящих, как было упомянуто, слева, напротив скамьи подсудимых /в дальнейшем, после приведения Кемерова матери Новосельцева, эту приятельницу уже не пустили, так как в первый день "оттерли" от входа в зал еще одного знакомого Новосельцева, потребовав предъявить паспорт; вынужденным на второй день, 8.10, разрешили остаться до конца процесса, чем воспользовались только Нерозов и Чеверев; кроме них, две последние для в зале находился член профкома ВИСТИ, приведший народить за поездением и дачей показаний "свидетелей" в предпринятие и задерживавшийся из интереса - так, около 10 аудиторов, начиная до конца только жена и "разпорядитель", состав суда и конвой. "Слушание дела - открытое"/.

БОЙ начался с первых такт^{ов} судебного заседания - установления личности подсудимого.
Судьи. Новосельцев, назовите суду ваше имя, ход и место рождения.
- Новосельцев, Валентин Клавдьевич, 1937 г.р., село Нестерово, Карабальского р-на, Томской области.

- Образование?

- Всемое.

Судья. В деле написано: "сердце".
Новосельцев. Я окончил педучилище, затем два курса Кемеровского пединститута, историко-филологическое отделение /следователь/, где надо было представить "специальное" или "незаконч. виновное", - Р.У./. Затем месяц посадили /как выяснилось из одной характеристики, заслушанной в суде/. Новосельцев принимал участие в издании номера институтской газеты, посвященного разоблачению культа личности и конфликтного поиска инвестки, за что был отчислен из института, - Р.У./.- Отсидев срок, продолжил образование в селе - ГАЛЬНО, в другом городе, имею диплом, который, чтобы не подвергать опасности помощников мне поддал, никому не показываю.

Судья. Значит, вы отказываетесь предъявить диплом или указать, где он находится?

Новосельцев. Да, отказываюсь.

- Судились ли之前?

Новосельцев /город/ В 1967 году, за распространение листовок в Братске, Иркутской обл., был огужден по ст.70, ч.1, на 2 года строгого режима.

- Наказание отбыто?

- Было в 1969 году по отбытии срока.

- Судились ли всюду?

Новосельцев /в другом тоне/. Второй раз это не, я судился, а со мной судился, по ст..../путает цифри: вместо 76 - 69 или 160907/ и ... /"мелкое хищение гос.собственности", а именно порубка ялья, которую на самом деле ему подсекали срубленной, и "кощелье хладомор оружия", а именно для этого рисанского яока, и-так все изъято использовано отчим/.- Это была провокация. Смеш которой, добавлю, захлопнулся в том, чтобы исполнить Новосельцеву встретить новый год с друзьями-бывшими заключенными, как оценивалась, я получила "сторожевого", как предполагали, свидетеля на следствие по делу Гинзбурга в Калуге, куда Новосельцева возили под колвоем этапом через всю Россию; всего, кроме "Лебедева", Новосельцев "посетил" 14 тюрем и несколько спецприемников. - Р.У./.

Судья. Нас это не интересует. К чему ваши приговоры? Наказание отбыто полностью?

Новосельцев. К шокутора годам лишения свободы. Было в 1978 году /законно-доброчно/ путает слова, получается "дословно-урочно", но правдяется/, была такая мода.

Судья. Не мода, а закон.

Новосельцев. /закинул/ В отношении диссидентов - только мода.

Судья. Ваше последнее место работы и до какого числа.

- Работал в ВИСТИ /"Всесоюзный институт спортивных и туристских изделий"/ до 9 ноября 1982.

- Работали вы после 9.11.82?

Новосельцев. Я бастовал.

Судья. Бастовка - не работа.
Новосельцев /словно не замечая/ 11 ноября, в траурине для в связи с кончиной Брежнева, я был изолирован на 15 суток, якобы за "скандал на предприятии 30 октября", по выходе забастовку продолжил. Но я ссыпался за Отделом кадров... /Судья снова прерывает/.

Подсудимому было разъяснено его право заявлять ходатайства. Новосельцев считал предыдущих происшествий, сразу вынес чрезвычайное заключение заседания и этого он написал в ходатайстве С. в основном, не напрасно, достаточно ли сразу же выставление речи.

Удивлено, что заявление никем не оценено? и следили за тем, кто отвечает этим вопросом интересам: ходатайство должно содержать чисто выраженную просьбу или требование.

Новосельцев. Задачи... ходатайства...

Удивлено. Так ли может быть, или устроил яблонки?

Новосельцев. /я употребил, дававшийся мной в ходатайстве за свои интересы/. У меня есть, и лучше бы этого не говорить, оправдание.

С заявлением Новосельцева — антиконституционного характера. Зная из материалов дела, что подбрасывали /мягко выражаясь/ следователью подобраны такие ответы на него, в которых отмечено, что он — сын погибшего бронетанковика и малограмматика кавалерии, имея полномочия получившей даже начальную письменность, хотя трудился всю жизнь, в бою сбил даже стоящей ракетой кавалерийской артиллерию, что он учился в кружке, условиях которого находил церковь в свою жизнь стремился помочь неудостоенному первоначального образования. Окончил /роман первоначального, имея/ художественную школу по классу портретирования /еще забыл/, что занимал в музыкальном училище или кружке по классу домра, прошел производственную техническую обучку по специальности слесарь-сборщик и сварщик, затем по распределению — имеет звание рабочего-изготовителя; основы физкультуры имел /разумеется/ довольно хорошую — более десети, во всяком случае/ различного производственно-технического специальности; окончил вечернюю Ульяновскую инженерно-педагогическую; состоял в комитете членом КПСС, — за "Славу", этические по личному этизму; был участником добровольцев Гражданской войны в Красной армии, — Раб./.

Новосельцев. /Что-то в середине зачекан/ Я пропустил выкрики, все это подроочно выриховывалось.

Судья. Секретарь — не степоманистка, ли. Очень быстро читает, мы же видели, что процесс устный. /Глашин довод, но оснований нет/ Судебное заседание было открыто большинством заявления Новосельцева, я тоже знаю это. Судья склонно называет, что дело будет передано в кассационную инстанцию.

Так же судьба постигла второе заявление Новосельцева, но это уже не спорта. /далее пишет свое заявление от 28.09., на которое подпись отсутствует, что оно "Мосгорсудом рассмотрено"/. Когда вручить это копии судье Банковой и прокурору Чистикову, подписанному от него, либо заседанию суда, либо мне же не удалось. Оригинал отправлен в прокуратуру ССР, отдан надзора за ведением следствия органами ГБ, один копия у адвоката Егоренова. Странная практика — не принимать заявления непосредственно от граждан. А если от них засекалось что-то, необходимое для убедительных доказательств?

Самое нелогичное состояло как раз в том, что доказывать процессуальную окончательность фактов, о которых даже речь не заседании Новосельцева, являлся якобы будущий в повторном разведовании, другим полномочным лицом, а Новосельцева искала обноводить. Самых отставных Прокуратуры ССР: никаких злоупотреблений следователем действием доводило не было/.

Итак, заявление Новосельцева о злоупотреблениях следователя и моих соображения по этому поводу, так сказать, в другой стороне демаршской проходили.

Следствиеилось /много выражений/ не объективно, с использованием недозволенных приемов. Заявления Новосельцева отрицал бездоказательными /засекалось/ что этого никто не подтвердил

Цопов, благодаря стараниям доверчика-прокуратора Чеверева /эту фамилию я, уже обо всем догадавшись, не называла в допросах на приставке/, так как получился бы допрос; мой первый, тщедушный разговор по этому поводу со следователем вынуждал так: "Поздравляю с успехом! Вы зряко напустили одного такого знакомого, он даже не мне подсказывает" — "Кто?" — "Зачем вам бояться, вы же отнюдь злая — вы убийца" — "Ах, я боялся", — после этого Чеверев вышел, и я все равно вынуждана /расположила подле/ для суда — даже в ложной официальной работе, якобы переданных им /доверчика/ Новосельцеву для распространения и, в частности, потому, что /прокуратором/ изграждаемый. При таком подозрении, следователь едва ли можно было от Новосельцева признания "частичкой стороны дела", что различалась самоговору, чтобы и убедиться в этой "успешности", допрос представил мне мужа, изъяв "слово не употреблять во зло его "доверчивость" и материальную очную ставку по различать. Слово я дарю, лишь столько из привычки или страха, сколько потому, что дальнейшее напоминать было неприятно. Новосельцев, при всем своем официальной подозрительности и злобности, вынужден подняться, перекинуть на следователя внутреннюю борьбу. Как я помнила из оброненной мною фразы и, которую произнес в Заключении от 28.09, я здесь повторяюсь нехотя, а "раскрытии" мужа на мне: якобы я причастна, или это известно; меня сейчас тронут, а Новосельцев, как мужчина и законный супруг, несет ответственность за то и под честь меня — ведь я имела ему не причинить никакие драматические приступы! /"пружинки" — говорил ранее наставник/.

Однажды, вынужденной лично знать, как я уже звала из единогласного за период следствия длительного допроса /до 2 протокола/ этого же попала, были сняты с арестом в Листичине знакомого Александра Чекалина, которого изъяли в конце концов, задолжав до Новосельцева, что позже я мог вспомнить, так как Новосельцев, отбывший в это время 15 суток, находился в Чечалинском, и только что приехавшим пакетом из Москвы, было и поэтому ему не давали /в символе литературы/. Я же, после ареста мужа, познакомила Чекалина с Чеверевым, по давнишней второй первому литературу и каштаны, и спать же не видела. Цопов же утверждал, судя Чекалина следователь не только Чеверев, но и я, и у него в сейце находились и я и этот счет изобличающие показания. От предложенной предложить их я отмахнулась, мол, не имеет отношения к делу Новосельцева, может, у него в сейце и подиума стоит. Позже я сказала. Предполагаю, следователь придал бы меня послушалася, если бы знал, что показать. Зато он, уже в другой раз, ткнул мне под нос спать же с письмом к литературе, якобы вывезенной из мочеки Чекалини, и указал на роман Глинковского "В преддверии рая", который будет впоследствии фигурировать в томах "Дела", закрывающей уже за помятыванием следователем Нероновым /где найдет — ненадежно: мы будем, не прокуроры, не Новосельцевы не помиримся/. Тогда же следователь требовал с меня, чтобы я уточнила памятником расхождение в показаниях Новосельцева и Неронова, по поводу дат получения и возврата письмиков. И, уже отстегив на протокол, что якобы при мне и я и он у меня читало, в символе литературы не передавал, разорванный и измазанный собственноручно, что факт передачи именно этой бумаги Неронову Новосельцевым отрицал, как же у Неронова не оказалось /не нашли. Впоследствии Неронов рассказал мне /и повторил суду/, как проходила "автография" ему еще одного знакомства: "Новосельцев неизвестен, что, кроме памятника у него на обложке монографии диплома "Новый класс" и фотокопия романа Зиновьева "Зимние вести", давали ему то же "В преддверии рая" того же Зиновьева, готовя, то же "Скотский хутор" Овчадка /другой переход заглавий — "Звересфера"/, Р.У./. И Неронов /филологическое образование/ без пяти минут гладил ее

Чук! / сидит и честно "вспоминает", что бы это лучше на себя взять...
 Наконец... останавливается на "втором Зиновьеве", "что ж ты? - изда-
 вель я, - забы, что такое альтернативный вопрос? Он предусматривает
 4 варианта ответа: "то" или "другое", "и то, и другое", "ни то, ни
 другое"/ "Лесовъ Ярову" надо пересмотреть, - замечу в скобках, - ~~ни~~
 роль Нароловой, там есть похожее место/. О том, как были заподчленены
 показания Неролова относительно Джидзева и "первого" Зиновьева, и
 как установлена его /Неролова/ свидетельская "податливость", будет
 сказано далее. Здесь же замечу, что от тех, первоначальник своих
 показаний он пытался отре~~чу~~^бся, затем - от своего отказа. Общий
 вывод по Неролову /из моего заявления/: "Тром цена таким показаниям
 и человеку, который их дает".

Официальная версия ареста Чекалина: он, по приезде в Деличаки,
 часть литературы спрятал, читал Зиновьева, был взят с по-
 кипным, оказал сопротивление... Внимательному читателю ясно, с именем
 Чекалина "поличным" арестован был Чекалин в случае иного ответа Неро-
 лова на "альтернативный вопрос". Чекалин, хоть и значился в
 списке свидетелей, по утверждению адвоката Беизерова, «уду-
 рил» представление и вину, даже имя его /следовательно, и
 не мое, в этой связи/, не упоминалось. Значит, была ли у него хоть какая-
 го вывезенная из Москвы литература, в том числе Зиновьев, неизвестно.
 Ясно одно: его не освободили и не освободят, даже не извинят
 и не скажут, а это третий арест в его жизни. И еще одно: взяли его
 чтобы затушевать провокаторство Чеверева: мол, Чекалин в Москве
 всегда заходит к нам - не сделать ли у нас обиск /в воскресенье!/,
 на обиске если учащийся сидит Чеверев, вот и посмотрели у него
 паспорт, а потом /почему-то/ лишь в день ареста Новосельцева,
 через месяц, не раньше, поскольку среди изъятых у нас материалов
 в том числе фотокопии /очень квалифицированно исподлубные/, вспомнили,
 что Чеверев работает в Деличакской библиотеке, в отделе фотокопирования

и, сделав обиск у него на работе в ее доме /протоколы об ис-
 поисках/, изъяли фотооборудование, оказавшееся /вот незадача!/ ее
 в рабочем, зато кадрирующая рабочая царина из царинки
 Чекалина /"Как я ее не выбросил!" - плакался мис Чеверев/. Следует ко-
 нечно "очной ставки" Новосельцева с "изоличившим" Чеверевом /до-
 брохоты известны мое приватное от последнего/: первый, по одному
 называет работы, "помнить, ты давал мне..." - второй подтверждает,
 никто не смеется, в том числе и я при пересказе... что-то многое

"Чекалинский" ^{результат}. Но, как и в эпизоде с Чекалиным, пока ~~запомнил~~ ^{запомнил} болни сплюсок,
 только ~~запомнил~~ короче, а работы те же. "Политик, - заключил я, - отку-
 да этот список". Но где же все-таки работы или хотя бы свидетели,
 которые признались, что их читали и куда дели? Далее вновь детек-
 то: протокол "очной ставки" из "дела" на время исчезает, зато по-
 является "запоздалое чисто юридическое" признание Чеверева, недавест-
 но когда сделанное в чью-касающееся /замечено Новосельцевым и за-
 висло на суде/. То, что сценарий мыслился несколько по-другому,
 мое, если б не мое ядовитое замечание о "болых сплюсках" и о том, что
 органы ГБ сами распространяют неуводную им литературу /"Заявление
 в Прокуратуру СССР от 1.07.83, посыпано пересланное адресатом в Мос-
 ковский арбитражный суд/, свидетельствует обмолвка судьи при обзоре документов:
 "Протокол осмотра.../то ли броморы Сахарова, то ли Чалидзе/-
 вроде же нам не надо". Новосельцев на суде в свидании успел сообщить, ^{по}
 что Цепов интересовался местонахождением то ли Чалидзе, то ли Саха-
 рова /разумеется, работ, а не авторов/; но как-то мало, удовлетво-
 рился попроверяющим ответом, видимо, большие дорожа "хорошими сплю-
 сками" и подследственным. Между тем, Новосельцев имелся тогда ре-
 шит, что на этом /на начте показаний, и на "хороших отношениях", ^{по}

Ценою, достигнутой с помощью "одного из новейших методов", - взятки предложили выкуп отец-муж, а на место на роль "хорошего отца", сидевшему под огнем злого обертона отчизны, взяли Новосельского, бывшего женатого, а со временем при одной из женщиных ка пособничестве по той же миссии не согласившись ли? Пополо очень имел ввиду все еще неизвестное: видимо, теперь получше познавшего за "неко" оценку, но с другой стороны, как это было, неизвестно: ведь роды "художника", из которых произошел Пополо, не состояли из представителей привилегированной группы. А в сущности, изображение было сделано в имении Новосельского, не в честь погибшего сына, а в честь его брата, Романа Новосельского, героя Второй мировой войны. А имена этого "старшего сына" и этого "брата" были неизвестны. А имена его отца, Павла Новосельского, были известны: "Ну, и ложное "дело" нам досталось! Отдохнули на даче в Никольском только не заключках растений "крупней" - там саженцы яблонь, один-единственный из которых, да внизу, заросло каштаны, что, надо же учесть, были крестьянские". Однако Новосельский... /тут Токмакова провинциальная, добродушная фамилия/, вспомнила, склонив голову погибшим сыном: "Нельзя сказать: я не знаю, он оказался "жестоко поднестреленным" "последней ловцом" "изобретатель Пополо" "разработанной ловли" /все это цитируется из архива Симонова/, а то чтобы вернуться к теме "Приключения Романа Новосельского" и погрузить в него любопытство, необходимо вспомнить, что же "погиб" /все это вспоминается из архива Симонова/. Пополо, бывший ученик Краснодарской краевой школы юных техников, изобретатель "Приключения Романа Новосельского", вспомнил вновь о событиях, произошедших в далеком 1942 году, когда он был еще школьником. Тогда, еще в школе, Пополо, сорвав с ветки старого яблоневого дерева яблоко, вспомнил про своего отца, который работал в Краснодаре инженером. И хотя отец не верил в существование "Приключения Романа Новосельского", Пополо решил попробовать сделать это сам, и это ему удалось. Но, кажется, отец не поверил ему в этом, и Пополо решил выложить яблоко на поле, чтобы показать отцу, что это было не яблоко, а "Приключение Романа Новосельского". Тогда отец, засмеявшись, спросил сына: "А что ты это сделал?" "Я сделал из яблока яблочную яблоню". Сын ответил отцу: "Ничего, папа, это я сделала яблоня".

Тут-то настоящий конец, это следствие показало, что "погибшим" оказался Пополо /тут архив Симонова/. Вспомнилось же, что Пополо, будучи учеником, был отличником по всем предметам, но что же произошло в дальнейшем? На первом месте, пожалуй, стоит вопрос о том, почему же Пополо /тут архив Симонова/. Вспомнилось же, что Пополо, будучи учеником, был отличником по всем предметам, но что же произошло в дальнейшем?

Самое обидное: мой "Мерседес, Модель 4" адекват тяжела, автомо^{би}-
ли же мне, хоть и требовала, не дали /а забрали ведь из дома, и
не сама я поехала/. Конвой джентльменски доставил меня по лест-
нице, а там - транспортируй, как засиль. Моя такая уступчивость
объясняется не только радостью встречи с наследственной от матери
собственностью /могет, ровесницей века/, а тем, что в разные
ку не включили обещания не печатать на ней, чего не след./дото-
мни Бурцев не преминул бы/. На устное замечание такого рода я
ответила: "Маника находилась у вас на проверке, а не в наказа-
ние за то, что на ней что-либо печаталось". Конвой я, разумеется
сказала о следственных "плясках" Цопова, и тот почему-то не
ответил мне, как прокурор Чебяков, мол, все было правильно. А
что именно сказал зам.зам. и т.д., я приведу потом, если не заб-
буду.

Следователь Цопов сделал Новосельцову за прекращение волю-
вки еще один "подарок"; кроме аккуратно подшитого "дела", в виде
адвоката Ефремова, у которого /подумать/, оказывается, нет
допуска к ведению дел по ст.70. Это не помешало последнему про-
бести /читай: "пролететь" два аналогичные дела: Л.Бородина и Ильи
и Рыжкина, получивших "потолок". Но эта информация уже сильно
относится к З-му заявлению Новосельцева, срочно переименованно-
му в "Ходатайство", закончим пока со 2-ым. Месяц Новосельцов и
Ефремов ссередоточение трудятся над "Делом" - это называется
"выполнение ст.201 УИК", за что мной внесено в проконсультацию
МГБ по ул.Куйбышева на имя Ефремова 60 р. /заявила 10 р. соль-
но, чем договариваешь с самим адвокатом, да ладно/. 18 или 19
июня Цопов предлагает Новосельцову, кепкециальному уже упому бумаги
на "Заявление", составить план дальнейшей работы: перечень хода-
тайств, дополнительных свидетелей и характеристик, которые ему
нужны. Делает карандашные заметки на этом листке и предлагает
подследственному подписать - тот исподволь. Затем Цопов при-
крепляет этот лист к "Делу", сверху накладывает еще страницу,
скрепленную подписями его и Ефремова /Новосельцов, помяг, в чем
дело, хотя читатели, даверянка, не поняли, на сей раз подписать
отказывается/ - все. Так совершаются торжественные акт "подписа-
ния ст.201", "Дело" в описанном виде отсылается 20 июня в Проку-
ратуру СССР. Новосельцов тогда же вспоминает /во всяком случае,
для себя поздно/ заявляет Цопову о т в о д, который направляет
в Моспрокуратуру /не встретились бумаги, каль/. С ответом не
торопится... Наконец, он /в отрицательном смысле: отвод отклонен
все правильно/ приходит."Следствие окончено /без нарушений/...
забудьте". Или, может, не стоит забывать?

Адвоката Ефремова я добивалась страшись, что объясняется не
только возникшей между нами симпатией /ведь первый разговор про-
ходил по телефону, а еще тем, что он первые согласился взяться
за "семидесятку" тогда как несколько его коллег, обзванивших мно-
гими раньше в тот вечер, имеющих допуск, отказались /"по практиче-
ской занятости"/. И еще потому, что именно Ефремова мне в МИКА /Мос.
гор.коллегии адвокатов/ усиленно не давали. /"И что он все время
лезет? Надо вызвать его и сделать внушили! Он недостаточно ква-
лифицирован", - все это не из уст какой-нибудь кампеляристки, а
вам же зам.пред.МИКА Воскресенского./Последний из трех, о "недостат-
кочной квалификации", - я довела до сведения О.Н.Ефремова, мы
очень потешались/. Ссылаясь на ст.49 УИК, по которой обвиняемый
и его семья, т.е. лица, заключающие договор о наименование
имеют право требовать именно того адвоката, которого им хочется
/хотят как! оказывается "система допусков" вообще незаконна/, я из-
ложила в МИКА заявление, копия которого отдала Цопову, надеясь,
что он покажет мужу. Цопов отоспал свою копию в КГБ, что и, мож-
ет быть и там есть люди с юмором, пусть позабавятся. дело в том, что

что в этом заложен от 8.06.63, пока лучший из моих произведений че-
кого рода, есть следующее место:

"Таким образом, из-за заслуги "Борисова" упомянутой в разо-
много мужа я других осуждаемых не ст.70, а также их семьи на
зашиту, а без того формально. Кроме того, склоняется драматург
и я ЗАЩИТИКСЯ, приветствуя им осуждение своей пьесы и
смы, что разносколько заслугу на профессии. Дро-
стите кроткое сражение, все равно, что заставить Ильинскую, выла-
ющею принять роды, сделать один аборт!"

Бывшими воспитанниками возмущено действие /теперь яко:/ неизвест-
ственных членов, а из-за боледомки Новосельцева /Борисова/
как было сказано, /ону с тихих выплатам от 201/. Следующий
этап - участие в процессе. Говорят - 180 р. /сам Ильин Олег Никола-
евич был согласен на 80, новосельев оштрафовать в кабинете, но все обши-
рно/. Зашитила, конечно, из своих /где уж не/, при помощи в
50 р. по 2-ой гр. /выплатам/, которую, - еще один узник - "Макар"
их через городской ВТАГ/. "Дело", пребывая примерно месяц в Прокуратуре
СССР, обжаловалось, наконец, в Мосгорсуде, где вышло без взыска-
ния еще два /?/ месяца. /Люди Джинсов и двух сыновьев все же
прочли, но недостатки/. Наконец, 19 сентября, за подделку, подложил
в суд по собственной инициативе, /правильность смысла каждой дочь, э-
тот раз в 3 дни, хот., несось, надосла!/, узнаю, что слушания будут
26-го. /Должен был предупредить официально за две недели/. Хватаетесь
Борисова - в отпуск. /Все это прошло, явно ж и буду отдохнуть/.
Прокуроры предлагают мне адвоката Байзрова, с которым
мы, оказывается, знакомы: он один живет в коридорчике Мосгорсуда,
коридор Ф.Н. Германа Германа, и то там без подсудимого дело слушалось,
так как Герман был призван на землемеры и отираясь виселечками
в Казахстане, в специальную юбку своего типа. Бессада с Байзровым были
и в удовлетворила /хотя Роман Новосельев был бледный,
долговязый и худощавый адвокат, и внешне скромный - лицо скромное,
как у Юта Мура, тогда как Борисов слегка мажковат, и цвет лица не
сразу определишь - бледен, в общем, но мог уточнить характеристи-
ке, "очень малый человек, и тому же скромнечка"/, а вот Байзрова
так просто не определишь/. Но - решать Новосельеву. В четверг, 22
сентября мы с Байзровым встретились в приемной "Лесортова". Он -
при параде, на цыпочках 3 ряда орденских планок /готовился к первой
встрече с Новосельевыми, то-то, несось, уммы!/. Назначив мне на
12 час., проходит сколько-то времени из коридора, так как разго-
вор с подзащитными, которого он не выдержал, оказался коротким: "Важен-
тым якаждыюючу чувствует себя хорошо, выглядит нахохло. Одет опре-
деленным /типа мы/ 3 месяца никто "в коли" его не видел/, а в защитниках
он хочет только Борисова". - Ай да Борисов! Ай да "бродство дум"!
Ведь исканула и сделала к моему удачному "хоккическому" заложению
от 8.06. приводу, заслуживающим три:

"... не было первоначально лично привод Байзрова и нико-либо еще,
ни ни какого адвоката, кроме О.Н.Борисова, я не согласна.
ТРЕБУЮ отложить размотрение дела до возбранения Борисова из ск-
луска либо допустить к участию в процессе и с и и как обществен-
ного защитника". - Ни Р.М.Байзрова, ни Новосельев второго текста
пока не видели.

Слова Дрездина МКА, только, вместо журнала, донесло, с выраже-
нием /лучше не вспоминай: "диссидента"/ виновности, в очаров, Вое-
вредителя, другой засл. пред. - наездники, неподобные возмущают сво-
ей злочестливостью, наездников, гибели, отдельно напоминаю "зима-
за и т.д." Кончина. Привод заслуживаю, они разыгрывались", - привод,
и т.д. - "Так у вас договор с Борисовым? Кончина

заявки к 12 часов Бейзеров. Собакин /у/ - "Дело лежало в суде 2 года. Между прочим, уж я Бейзеров успел за это время с ним ознакомиться, а мне ничего не сообщали о замене. Служение специально приводили к отпуску Ефремова". Входит другой член коллегии, может и резюдераума, отдалено знакомый мне по конторе МИ6 /уж не Полик ли?/. Возобновляется сопоставление достоверность двух защитников /не во прошу изъяв и единомыслие/ - в пользу Бейзерова. "Разумеется, - говорю я, - мы хотели получить мой муж, то есть срока, которая получила мой муж". Попытка беседа между людьми, которые все сюда пришли, - "для меня" Всекрестскому я в свое время так и заявила, - замена к дучему. Но дело в принципе Ефремов изменился сам, а Бейзерова изменили, выступив за профессиональную честь первого, хотя второго никоим образом не хочу обижать, и муж меня поддерживает". /К подсудимому лицу коллегии/ Хорошо, что вы в курсе, своих власти, вы ведь, как сказали, им той же консультации.../из предложенных утверждений не смеет, и вы могли бы быть моим адвокатом?/-"Мог бы", - "Ну вот, тогда и я их все так отговариваю".

Итак, З-е заявление Новосельцева, окончное на суде 26.09. и оформленное как "ходатайство" с юридической помощью адвоката Бейзерова, касалось замены защитника, на которого он не согласен.

Судья. Новосельцев, повторите устно, о чём вы просите?

Мне нужен тот адвокат, которого выбрала моя жена, и ничего не имею лично против Бейзерова, но пусть спросят мою жену. Пусть дадут время подготовиться.

/вместе/ Зачем? Я готова.

Судья - запрашивает мнение прокурора.

Прокурор Чистяков. Новосельцев и его жена, как лицо, заключившее договор, реализуют свое законное право на замену. И не против, чтобы заменили мнение моих.

Адвокат Бейзеров. Высказывается в том же духе, добавляя, что в контракте имеются конкретные китайцы в официальный документ об отпуске Ефремова.

Судья/ обращается ко мне, как будто впервые замечает в зале/. Я не спешаю спрашивать, но раз уж вы здесь...

/единственное выступление на суде, никаких пока в зале языков/. У меня есть заявление в МИКА по этому вопросу, который в Мосгорсуд. Я передам через "Распорядителя", где оно? Я хочу зачитать /хотя как можно иметь под рукой копии!/...

Судья. Да нет, скажите устно.

Заявление оканчивается следующим образом /см.стр.3, внизу, от имени "третьего"- до меня устно, как и мой муж, что мы имеем ввиду совсем не хотим обижать адвоката Бейзерова: он знакомился с делом, он был в "Лефорте" и Новосельцеву; но видимо, мы не хотим, чтобы я в зале обижали/.

Объявляется перерыв минут на 15, "пушки" удаляют из зала. В это время судья звонит в коммуникацию, договаривается об официальном отзыве Ефремова из отпуска. После перерыва сообщают, что аудиозапись возобновится через неделю, 13 октября. Обсуждается вопрос о присоединении к делу заявления /ходатайство/ Новосельцева. Прокурор Чистяков и адвокат Бейзеров высказываются положительно. Но судья, согласившись на место с заседательями, самочинно высказывает решение присоединить только "Ходатайство" относительно защиты. На руках высказывают.

Победа! Выходит под конвоем явно скрытенный Новосельцев. Это идет еще одно отрадное звучание: с ним раскланиваются, кроме меня и судьишей в зале приятельницы, которую он не знает, еще один знакомый, не прошедший в зал, когда спрятанные паспорта - больше его не увидим. Тут же стоит Юлиана Блокблюм, пытающейся прорваться на заседание /оппозиция к начальнику/. Мелькают между подсудимым и судьей по по-

восткам и 12 часам Неролов и Чеверев. Сейчас им вручат другие процессы мы отправимся пить чайко /седиага Новосельцев! Кто бы с нами!/. Итак, где Зюз октябрь.

Второй день процесса /чтение обвинительного заключения, допрос посудимого и свидетелей, тщательный обзор документов 1-го из шести томов "Дела"/ был самым мучительным для подсудимого, прежде всего, из-за продолжительности. Новосельцева не кормили /кажется не водили и в туалет/, хотя мы с матерью привезли две сумки продуктов, часть которых она, очень огорченная, что не может "такшить", привезла самолетом из Кемерова, и всю ночь перед рецидивом /сборась в мы/, не спясь, стягнула и пекла. Обидно было нам в течение пяти дней постепенно поедать все это, однако, как вкусно /мать - прекрасная кулинария, работала поварихой и кондитером/.

Встреча с матерью, воспринимавшей третью "посадку" сына как величайшее несчастье и позор, конечно, также было испытание для обоих, и все же хорошо, что они повидались /дай Бог, чтоб не в последний/. Несколько слов о Прасковье Петровне. Это настоящий русский простонародный современный женский характер /очень солевой, известно как помощница в легком, изработанном, подтачиваемом заботами и недугами/, знакомый нам по "деревенской прозе" /в поверии последнее время подвизается в Новосельцов/, без всякой суеверности и мистицизма. Она строга, но не сурова, умеет себя вести в любой компании, хотя в метро садила считавшись количеством раз, вождика, даже щепетильна и церемонна, внимательно-честна /так воспитала и детей/, равнодушна /не фанатично/, работница /но то же самое, что трудолюбие - просто привычка и спореть в работе, желание жить "хорошо", то есть в достатке, отвращение к разгульности/, самодобывка и упрямство /далеко не тупа/, права живого и веселого - умеет, наверное, спеть, плясать и выпить в праздник, и крепкое слово скажикуть - ханды, теперь возраст, солидность и хвори не позволяют. Всюду вреководит, в семье - глава, хотя Голенилов, отчим Валентина, отец двух младших сестер, сам человек не кроткий, молодеж и красив ее. Мужа она почтает, счастья они стараются относиться ко всем детям и внукам ровно и справедливо; но старшие - Петр, Валентин и Нелли, живущие отдельно, все же признают, что последняя дочь, Гадя, и ее младший сын Макарик - "любимчики". Валентин много взял от матери, в смысле интеллектом, ее ходом, даже немножико /я уж говорю: "графиня"/ брезлиность, а вот кудрявую невесту, какой-то разах, "отлет", фантастичность и, не боясь сказать, гениальность натуры, в сочетании с плутеско скрываемым величием, беззащитностью, неукротимое буйство - наследие от погибшего Новосельцева. Мать в предвершии смерти, без робости и подобострастия, во время двух предыдущих "посадок" сына помогала ему самостреканию, даже "виртуозно". Про Валентина рассказывают, что раз он скромным, тихим, застенчивым, все читал, из-за чего испортил зрение, но другим /из-за бит, последний раз у головщиками, когда отсидел второй срок, в общем, мог бы устроить свою жизнь гораздо лучше, если бы не говорил и ходил во время/. Это некий "железный" Валентин, которого Неролов переименовал в "Фердинанда" за длинное отчество и входство в грязным немецким орудием!

Два последние дня нам с матерью немилосердно "испытывали" по коридорам, лестнице, первому этажу, вплоть до дворового тамбура - еще одни, кроме запрета покормить, издевательство над подсудимым. Меня даже грозились отправить на 15 суток за воровство: "Валентин! Мы теперь же вот где!", - а другой раз, когда взмахнула пристегнутою рукой, один из грабителей /не сильно/ по ней ударил. Тарнела, потому что надо было снова войти в зал, надо досидеть до конца. А Валентину каково - он же все это время работал. И в довершение того ужасного для нас него вынесли целый помойный участ в виде выступления лихих свидетелей с предприятия ВИСТИ и Тандемизиса. Меня выражалась /подобных характеристик/. Но он был к этому готов.

ким Новосельцев, виноват ли в этой преступности лично Новосельцев со своими силами защищает /"стражает"/ для заявления /ук никак не "ходатайствует"/ который, следовательно им в "деле" не упомянут. Приметико своему проекту Ефремову /изступающу в процессе прямо в самолете, посаженного, загоревшему, горюю редатому - без оружейных колодок/. Ведущий мысли тезка Новосельцева Рейнхард Ольте, наверно, совсем не так признается им за проявление упорства. Но - дело было в принципе, и надлежит отвечать помешаны быть хоть подьяхом, я постараюсь поделитьсяпечатками и письмами "заключение" в прокуратуру ССР по поводу следствия, копии которого - судье Балконой, прокурору Чистикову - вручить не удалось, так вот Ефремову отдать. Новосельцев за 26.12.67, что "на зависимости от результата, то есть приговора..." - ну, и т.д., пожалуй, что имеет в "Приметике", а в зале суда и я с записывать молья; Ефремов же строчит блескрадиво, временно находящийся в зале суда, спасенный из личного студента, замыкшего привлечь приложими.

Второе заявление Новосельцева, послушавшее тогда же - "Приметике заочно Макиадской встречи" /стран-участник Хельсинкского договора/ - своему значительному, в пользу Новосельцева, марковому юзити, пока он сидел в "Чехорте", какая связь между ними? И еще скажет в Последнем слове.

Обвинительное заключение. Состоит, в точности заснял пакетической, из двух частей: ходатайство и распространение Новосельцевым документов и материалов /зоконом до понятия "литература"/ - и муртие виказывания обвиняемого. Опровергнув сторону: тема другом суд предварительно выслушивает /причины и личный характер "литературских кампаний, первых советских государственных и общественных строк/, а в доказательства Новосельцева - преступный "умысел, с целью его /страй/ подрыв/. Овать состав преступления вспоминают по ст.70, ч.1 УК ССР, /подпадает под ее формулировку/. Из материалов "дела" известовало, что Новосельцев был уже, в 1967 году осужден и отбыл наказание по этой статье - долгих выводов не требует /свою деятельность продолжил; что ему виновность "Предупреждение", которое пытать же его не пытались/.

По части и в терминам следствием суду предоставлено производили: Джимс, Милован "Новый Класс", монографии, издания за рубежом /макро-то хеплократическое издательство "Фридрих-Лаге", монат. "Пресс"/ и т.д., без разницы/ на русском языке; заявление, документы в предверье рабыни и "Знания" /истории/, романы, фоконики, заявление 4-6 тт "дела", и свидетельские показания с распространением их Новосельцевым, а также о распространении им романа Солженицына "Архипелаг ГУЛАГ", т.1 /в целях/ в начале заслуженном "Солженицын или Архипелаг", которого не начин/. Все с производством, что все "разгромлены": и от кого, и когда получали /от Чехорта/, и кому даны /о этом несколько поэмы, "Допрос свидетелей"/.

Одна из части и в каждой из них Новосельцев распрострашивал в форме следующую идею к измышлению /разрушается, "антисоветское", "клиническое", "широкое из подрыв" и т.д./: что "указывают свободы слова", что "советские социалистические государства - колонии колонии России, в странах Социалистического содружества - колонии ССР"; одобрял деятельность польского профсоюза "Солидарность"; национальные советские войска в Афганистане "оккупационными", а Советский Союз - "агрессором", употреблял в отношении их /ССР и его войск/ слово "застрихи" - все это в разное время рабочим в их ху на предупреждении ВИСТИ, что подпадает под определение "антисоветской пропаганды и агитации".

"Умысел подрыва советского государственного и общественного мира" - называется как в первом, так и во втором разряде делами

Судья. Новосельцев, признаете ли вы себя виновным?

- Признаю. Частично. Только факты, связанные с распространением литературы. Выказывания отрицаю /как он заявил еще не раз:/ "сколько книг буду - не признаю"/. Это фальшивка и месть следователя /за несостоявшуюся пресс-конференцию/. Заявлю ходатайство о вызове дополнительных свидетелей /называет 5 фамилий, из знакомых мне - рабочий Денисов, конструкторы Иокки, в защиту которого бастовали Новосельцев, и Варячев/. Они знают меня лучше и более порядочные люди, чем те, кого навербовал Цепов, с ними я больше общался и был откровенен. Пусть характеризуют меня как работника и спросят ли они от меня антисоветские высказывания.

/Вопрос выносится на обсуждение: адвокат - за, прокурор против. Суд "ходатайство" отклоняет. Примечается ли оно в таком случае в "делу", не поняла/.

Прокурор. Признаете ли вы умысел?

Новосельцев. Нет. /В "Последнем Слове" он заявил: "Не с моей, даже очень широкой грудью скрутить Советскую власть. Я смел считать себя умным человеком, зачем же мне "умышлять" бесмысленное"/?

- Выносилось ли вам "Предупреждение"?

Новосельцев. Поганая не имею.

Судья. достает из "Дела" листок, передает через адвоката и консультанта: "С протоколом ознакомлен", - ваша подпись?

Новосельцев. Ну да. Это было в Омске. Меня там с поездом сняли, я имехал домой из Москвы. Сказали, что опознали во мне какого-то преступника, и стирали в специоконцлагерь. Там обманали, писали письмо Кольмана, физика и философа, бывшего члена ЦК, о выходе из партии...

Судья. Как вы это все знали?

- Зашитым в вертепнике пальто.

Судья. Это вас не интересует. Значит, вас предупреждали?

Новосельцев. О чём? Не возить больные письмо Кольмана? У меня и его товарищи.

Прокурор. Намерены ли вы впредь продолжать преступную деятельность? Аскаиваетесь ли вы?

Новосельцев. В "Деле" имеется мое письмо - обещание уйти "на политическую почту". Вы с ним знакомы.

С какой целью вы хранили и распространяли антисоветскую литературу?

Новосельцев. Я писатель и публикую /хотя меня пока не печатают/. Составлял монографию о диссидентском движении - в широком общенациональном плане. Мое мужество была литература, представляющая собой их /диссидентов/ духовный ареал. Через них я давал им в профане. Этой литературой все интересуются.

Судья. Так уж и есть.

Итак, Новосельцев, избрав методу: "не принимать на душу линии то и в русси не дразнить", воздерживается характеризовать высказывания в литературу как "антисоветские", "клеветнические", "порочащие направленные на подрыв" и т.д. Высказывания - их не было, вернее, фальсифицированы время, место, действующие лица, обстоятельства, формулировки же неизвестны следователем /нет как! Где не только не поставляет Новосельцову литературу, да еще за него, и в каком духе, высказывается!/

Мы же остановимся на этих бородавочных, так как их все-таки приписывают Новосильцеву, все они входят в памятник, и подобные читатели параллельно им пишут страницы истории. Позади других адвокатов /не Бирюкова/ и аналогичных производят подобные мысли единогласно, он так считает, следовательно, не сознательной не клясть, ни умона - нет. Их пойдет дальше в предложении /не адвокатом, конечно, и не обвиняющим/ любому, кто возьмется: докажите, что это не так. Всепечально не спорить, например не класси-и, а правда не.

То же я в литературе. Каждому произведению и "драме" приложен "протокол осмотра", в том числе и Солженицын /которого не пиши/ - чье уж проще? Кто же знает, о чём "Архиенаг"? Я, хоть и не читал засор, из падающих мыслей и цитат должен следовать ею /произве-дения/ антисоветской направленности и отдать же классификации ха-рактер. Кроме того, я считаю, что писатель, привыкший к тому что привыкли указанные выше, сформации их фанни, выскочил из них. Ну, надо, роман Запольский, произведенны художественные, определенного жанра /"роман"/, как выражено образование Нареноу - не обманом способно отрицать действительность. Да и чут, как пишет автор другого кратковременного, из классической пропаганды: "подобные пропаганды выходит не просто, радио, не фильм". Что учи-чить об "Архиенаг" /которого не пиши/, произведенны струко-песчаным и документальным, без всякого химика/ти/ его характеризу-ку как "высокий умной, чистой и очень мужной России" внимание из заявления В. Новосильской/. "Протокол осмотра" Джилса замечен об-сказанным рефератом: это абсолютное искусство политологическое исследо-вание, выполненно в самой степени компетентным лицом /одним из руководителей берёбы на освобождение родин и создание новой по-беды социалистической общества/. Котором "протоколы мо/или социализма", в духе инженерской методологии и коммунистической пропаганды теоретических дружков и лист, которые он родил и ре-выв. Джилс утверждает, что в социалистических государствах некогда несёди революции созданный "новый класс" /партийно-государственном-ти-трудовом союзом рабочих/, который приводит заповеди народа, нарушители существуют за его счет в всех остальных институциях. /"живет,- как у нас говорят,- сейчас при коммунизме"/. Джилс не берется определить точных количественных соотношений "нового класса" /по сравнению со всем населением каждой из стран Социалистического союза/ - изобличая /и кто именно и кому относится, знает лишь-точку, кто и с/ем он, разумеется, приводит, пока не был аре-стован за нарушение этой книги и передачу ее на Запад/. Самое за-местительное, поскольку в свою положение, никакими им членами нека назад, книга "антинародный политики" /тое определение,-?/. в СССР, пидетским которой мы считаем это и есть наступление "но-вого класса" на общество, а цели отстоять и расширять свои приви-леи, задача избавиться от части своих членов, никакое откровен-ие путевых соединений которых с государственным, их же обратить в отставку перед лицом народа книга: вот, мол, кто виноват. "Целевъ каждый членъ труда работает за свой рабочий!" - Но на справедливое зарплаты, не Марксу, трудящимся тратят лишь часть рабочего времени, в отрыве от /облачение прокларочной стороны/ "му"- конец! Итак, клевета это или правда, члены может разобраться на собственном опыте.

Одно любопытное замечание по поводу литературы Новосильцева, во-зможно высказав: если считать доказательством антисоветского характера литературы факт издания ее и в Б а с и л ь /, то это, что начи-нает у нас по фразе, например, - антинародная литература. Ни разу же не имеет смысла, так как, действительно, произведения, ха-рактеризующие общественный и государственный строй каким-то перево-дятся, печатаются на языке оригиналов /в изд-ве "Прогресс"/ с еще

отбором /возымом/ жертвы прокат фильма, на удачу: творчество Стэли Крамера и французский "Игрунок" с Пьером Ришаром/, не говоря уж о том, как подают материки наши авторы. Между тем, мы что-то не слышали, чтобы на Западе, кроме стран в диктаторских режимах, прокат доводили за распространение подобных произведений.

Девра с видетельством.

Судья. Приведите свидетеля Новодворскую.

Я специально пропустила более ранний момент, как известно для меня время суда дрогнуло мое сердце при чтении обвинительного заключения, где значилось, что Новосильцева тогда-то передала экземпляр 1-го тома "Архипелага ГУЛАГ", который не было, - Новодворская и Единственный авториз., который сумел мне поднести количества плодователя: с этим "успехом" я это не поздравляла.

Люба Новодворская я знала ее начального раннего, чисто умника, и позже тоже - вполне честной собой представительницы. Только ее чистые склонности "из деревни", ясно: из высоких мне людей, по крупицам в образомческих журналах, могу послать реплики в Новосильцеву /новой для формальности/ так некто "вывесить флаги"/. Она была знакома совсем недолго и разошлась во мнениях/они/ чуть не сказала "на полемическую борьбу", передав!... на выкуску. Лера - большая, первоклассная, "староста"; но что отходит по "дружине в церковном хоре", а блеск лиц, маччи и обувь труб, решко зияют. Но определенно Новосильцева "своя-конь" /точнее: Новодворская - девица, "современная Нина Дадиан"/. Внешне одаренная, блонка чистородная, на каблучках, модно одета, испущшая изысканные духи, с искушительно притягательной литературной речью /турт уж мы с ней "расходились"/ и старалась писать под ее впечатлением, лучше мои "свадьбы", и Лера говорит, как пишет/.

Но буду процитирована же Лера, а ее мать - Нина Федоровна Новодворская, работница Министерства здравоохранения. Она показывает, что в квартире, действительно, находился какое-то время 1-й том "Архипелага" - они его не читали, даже вынесли на балкон, ибо ее /она/ дочь ее известно, что он принадлежал Новосильцеву, книга которого /то есть я/ за них приходила в заорала.

Н. /о месте/ Почему меня не спросят? Я же здесь, - /никакой реакции/. Ты же хот, какое "мое участие" отыскался затуманить Валентину и Борислава, ви-солу: Лера-то меня не выдала в компанию своей кырьере, а мать я бы завтра не узимала на улицу. Оказывается, матери оказали что мало заложили на обратном пути, а я сразу сказала, где жила, куда посы. Неужели и Лера покорила? Но и Валентина хором: как они могли хоть на минуту предотвратить, что на него нападут, о б в Новодворские?/.

Вонное и свидетельство /кажется, Валентина/. Вы /подали об этом заявление в ТБР/

- Нет, /что-то кому-то показывают/. Ах, да, меня взвели, и я написала. Уже после того, как юристу унесли.

/Онкогда же "продажа"? Сразу вспомнил сотовации школьной подруги Леры, Ладислы Михайловой: "какой ужас, Лера полностью откровенна с материю, а на всех заслоняет"/, - Ну, Люська, погоди!/.

Новосильцева зачитывает заявление, единственное, начерт которого я рада, что ее привелили: что "мать сама времени от времени кладет дочь в психушку, спасая от ареста, затем выпускает как признаки /хирург. Черт-те что! Начерт психушек - все так: Лера /то, что я знала о ней в тех самых пор/ еще в 1970 году бросила в Галерю свое стихотворение во Дворце Съездов, была низведена немедленной и отправлена в Казань, после понадела в больницу раза два. Не можно ли та, оскорбительную?

Судья. Новосильцева, я не дам вам перечить свидетельству /все равно, и интересует все-таки, что мотивы Новодворской/.

Судья. /Кажется, она. Отвечает вместо матери/. Валентина Ильинична Новодворская - большая человек, выложила /все-таки/

се не трамировать.

Но мне-то известно, что Лера, при своем "вялотокуме" диагноз ее прекрасно расставляет там. Кто ханжо, то в самом альбоме болицкого не доводится писать ни о ее "Заболевании", ни о горбаком промлом. Тоже, видимо, усунял Николай Бедоровин, о котором и совершение на холме, чтобы учительница сплюхнула маслянинистое мечтательное. Известно после привора, приди с матерью со спасением, звони дверь на скобу. Так и есть: она ничего не знает: ни о суде, ни о его результатах, ни о показавших Новодворской старшей. А как "Омы хвостом" Бычковская и Чесноков, которому и удалилась избранка, но Дескин боязь "передачиным звоном". То бесновая звонкая Новодворская, то наречи голову мне, что Лера якобы изъявлена на следствие!

В.Новодворская. Роковая, и так добри. Спасибо всем, что не поверили в сообщник моей Мечты следовало бы убить.

Я. За что же, Лера, если все свидели за твоей спиной?

Лера. А так: не разорвишь. Геркулы непременно бы меня убил.

5.10.83 В.Новодворская пишет "Заключение", видимо из которого мы проводим какое. Здень до того, 5.10, которое висит на стене только начиняется, на обратном пути из Могилева и пытаюсь порвать стени-факультет. Наркоз поддается еще и еще - не способствует даже без извинения "рукоприкладства". На суде утомлять читателя соборами и должностями, кто такая Леска: просто блондинка, нездешняя химичка, на этой почве склонная к эпилепсию, или мой /до ареста/ валентина - или, да нет беда, что не только/ персональный союздастай. Скажу только, что Валентина и Лавсидасти, которых она знала раньше /Геркулы, Лера/ си дамы не-доверяли. Мне же, при "сердобольности", в которой нет почвы разжигаться, потребовалось, чтобы прозреть, суровый урок - бы "Эксперт" /Лера/. Господь мое все ясно.

Судья. Вспомни Алексеева. Омористический эпизод, что же даваю им просить думы.

Судья. Свидетель, /щечсть мое совершило неизвестно, отскакивающее при проходе степенем вуза или техникума из Владимира/ Г.У./ анатомии и не подсудимого?

Алексеев. Затрудняюсь ответить, я видел про мялком движении в постели "Россия" /хотя это неизр/ Что ж там было делать Валентину? - Г.У./ Помню, его звали Натрий Натрий. /ЩЖ/, свидетель в разлуке путь от Новосильцева, с его сыном блондинчиком из Кимрова, по знакомым и искушу по своим делам, звездным и нам и, действительно, живущим в местности, каким - не говорю. Бытовыми память у Алексеева плохие: Натрий выше ростом, полон, привлекательнее. Это достоверность и изображают свидетелем с протокольной точностью:/ 4 декабря этот Натрий вошел в номер поздно и стал вспоминать ко мне. Уже поздно, что я сиро, он достал какую-то книгу, зажег лампу и начал читать. Пока он находился в душе, я легла за спутников, минимум взял книгу и пристал. Она показалась мне интересной: "Чорнотологического", как теперь говорят, только утром, она же в отсутствие Натрия, номера, где-то застряла, и учили ознакомиться с книгой внимательнее...

Судья. Откуда книга? /показывает издание "Первый класс" Джилласа/.

Алексеев. Да.

- Натрий держал ее открыто?

- Нет, вытащ из номера, прятал в постели под покрывало.

Чесноков. Свидетель, вы произнесите высказывание-впечатление о человеке. Как же вы могли брать чужую книгу и знакомиться с ней, когда ваши это не предполагали?

Алексеев. Я заинтересовался.

- что вы сделали потом?

Алексеев. Потом Натрия собрали и ушли в город, вскочил книгу, и написал об этом заявление в милицию при постинище.

15-ти футов Неронова, в окне № 10 и склонив
голову, сидела на кровати. — Тогда же в суде появился
дочь супруги Неронова. Ну "ко сценарию" должна была пройти супружеская
Патрик, но последний прошел из Кодекса к нынешнему мрачному твор-
честву о болезни".

Бывшегреческие даки: Неронов, Валентин Федорович, 1948 года р.,
женат, двое детей, не судим, обвиняется. Образование высшее,
МГУ, закончил академию наук ИА-78 (академии в Москве), профессор
в Московской обл., станция "Правда".

Признает, что в течение 1982 года был от Новосельцева, а когда-
были давно знако /и со мной — еще раньше, лет 15, — Р.У./ и читал
все имеющиеся в "Лене" произведения: романы "В предпороге счастья"/тоже
перев., но хромолит., это "первый Зиновьев"/ и "Знамене высоты"/бр-
токопия/, а также монографию доктора "Новый класс", которая морщила
Новосельцеву — "первого Зиновьева" отдельно, до того как они до-
брались до других работ, а их — по прочтении, однозначно.

Судья. Сколько же вы Петрика?

Неронов. Были один раз в квартире Новосельцева и разговаривали: мы
оказались коллегами. Я показал ему на симпозиум, который должен
был начаться через пару дней у нас в институте, но он сказал, что
уже давно рабочий.

Судья. Скажите ли вы с писавшими Петрика, доктором С. Декабри в
прокуратуре гор. Москвы, что вы пришли в квартиру "новосельцева"
Новосельцева либо это?

Неронов. Да, подтверждено.

— Как вы пришли к нему, Петрика?

— Я засорял книгу в письту.

— Новосельцев при вас спрятал пистолет? — Судья. А вы знали о
Неронов. Нет. Мы сказали за столом, и он кинул пистолет Медведко от
себя, кстати, не будем.

Новосельцев. Кто же вас раньше убил? А то следователь дробил ее
всех трех единогородного ответа: что вы с Петриком жили вместе.
Как же такое было?

Неронов. Как такое, первым умер я. Во всяком случае, не вместе.

Судья. Вы писали в Москпрокуратуру оправдание своих и Петрика Новос-
ельцева? Что книги были взорваны не то, — Р.У./.

Неронов. Да, писал. /Конец этих двух главы оставил у меня пистолет
Медведко, лежа в чехле и один п.о. х и щ и и; фотографию второго и от-
правил ее своему "Батюшке" от 28.09.83 в Прокуратуру ССР, подго-
твившую рукописную отдачу прокату Еремееву, — Р.У./

Судья. Вы от них отказываетесь?

Неронов. Да. На втором допросе в Москпрокуратуре Неронова "припоми-
нали" снять с него отпечатки пальцев, и если хоть один из них
оказался хоть на одной странице изъятых у них из общих 5-12-12 экз
справок... то больше не будем называть супругами Неронова "пожар-
ными", а то он обижается, особенно за "новосельского" да кого уж в
процессе следил "первого Зиновьева". Ну..., в дальнейшем, "обидчи-
ми первыми".

Судья. Каждый из которых показал зеркальную форму же же
Неронов /"обидчика"/. Невозможно и тем, что сейчас да.

/А все! никаких угроз привычными "дели противоречивых показаний
и страстей" занять следствие/, слава богу! — Р.У./.

Новосельцев. Володя, как ты думаешь, зачем ты просил у меня почтить
эти произведения и звать к их чтению друзей.

Неронов. Ну, а если бы они были у меня, а эти просил, и боялся
как ты думаешь, разве б не дал? — Еще один забавный эпизод.

"Офигенный Неронов" нарасхват предъявлять приставам по к Новосельеву
и, который как-никак теперь в ходе, он же пока весте лишь так
и не может устроиться на работу, а то мис. Во второй половине декабря
и погиб в падении с крыши здания, дохсящим по телефону

в Лисичанске находилось два-три звонка, в общем, где-то в середине 15-ти суток Валентина, я сказала Елене Ивановне и Чечереву, о которых говорил Борис: "Надо звать к народу, у него 'дни'". Каждое звонение было для них как звонок, для каждого привычным постулатом было историография. Однажды он /Чечерев/ попытает вернуть "один из звонков", это неизбежный вопрос. На прощем подсудимым, между прочими были искаженные записи: "Если, с той ставкой своего членства в распространении литературы, я пускал бы ее из коммерческой стороны, чтобы производки не могли возражать, вы бы меня не назвали бы пособником".
Денег не хватало Чечереву. Перед тем, как пригласить его, будь-всегда ли приесть "запаса" к 15-16-му году /и курица, которую мой приятельница сделала/, перед тем "запаса" /оформляется спасением у двух местных /журналистов/ и у моих же мужей /Колишик - колбаски, разные/ после этого время, все забывают про звонок, пока не успеют/. Как известил Чечерев /Сейчас у меня взгляд не могу и не могу дождаться года, потому что, конечно же, я неизвестный комик/ /записаны воспоминания, записаны /точно как книга/, Валентину /был этот звонок/... Там есть же звонок, что у Чечерева, и в нем упомянут - Клинич, под которого они высадили в Кировоградской крепости /всю голову/ и мой угол посыпал крахмал /все время вспоминаю в нем, что это просто крахмал - крахмал, а не крахмал.../. В общем, там Кличко, пресса, "Станционарная пресс-конференция Бирюзова"/ с которой присутствовал "известный киевский писатель Геннадий Соловьевич, исключая одного из трех же: "Мы-то не умрем!" - нескольких актеров, изображение "Известия", вместо "Литературки" и пр./. Актеры же /такие/ боятся /глаза тоже красне/ не зонки прошли, так и превратились в зонки /и зонки/ же зонки окна, в первую встречу, когда человек 10 "сидел", из газеты "Свободы" и "Свободы", во весь опорный Пушкин, заслоняя лицо, и он же - отдельно, склоняясь обширением письменами столом; выходит, да поглощает зонки зонками.

Судья. Свидетель, где у них были состоятельства, ли поступки в виде зонков в Новосибирске?

Чечерев. 10 декабря 1981-го на Нижневолжской площади. Вернее, даже не по зонкам зонками, я в один автобус селились в числе других и пилико. Чечерев - единственный из зонков мне, что они им хотят - и остались на рабочей работе: "принесли из погранзаоля паспорта и все-таки сеся погран", - вернее, не зонко зонко. А вот с Нижним в Новосибирске, исполнено, идет "беседование" на прописьках. Судья первому помощнику жюрило: они свидетели, второй же... прошлись и так в тот раз, Чечерев дал свою телефон, чтобы его позвать подсудить после коронования прокурора, который состоялся в Челябинске Альви Барбров.

Судья. Нижний Новгород, как же вы скажите нам, что в Нижнем вы находились на площади на зонках?

Чечерев. Я жил в Москве четырнадцать лет и приехал тогда впереди /и/ /запаса/ /запаса/ по пустыни/. Там, конечно, был и Нижний /штаб/, с я ржалась, их привезли зонкичики - судьи пересекают/. Военнослужащих Чечереву. Привезли ли мы, как показали на предварительном следствии, что в разное время передали Нижненовгороду... /четыре раза привезли/ зонкичики, в том числе Соловьевичи, которые же падали /или чем оклеивали/ головами сами зонкичики?

Чечерев. Привезли зонкичики /запаса/ /запаса/. Где я как же зонкичики? Взятыми /одной из них/, а /запаса/. Наглыми зонкамичики на работе, и зонки - дни, помните зонкичики тоже. У вас зонкичики.

Судья. С зонками вот этой работы? /показывает из рук, держа зонки на самом расстоянии, разумеется не видно/.

Чечерев. Да, это моя рабочая /последнюю/ "законченную рабочую царевину" /зональную/ в другом месте проходила она может, где-то в Красноярске зонкичики сидели, штабчик постепенно "закрывался", поэтому же не скажу, что "закрывался пакет пакет в горю", если перед нами один из последних зонкичиков /зональных/. /зональных/ драмы /зональных/. Где вы брали зонкичики для фотокопирования?

Чеверев. Ответить отказывалась. А, спать же, все. Никакого напоминания о бандитах за отказ от дачи показаний. Меня Чеверев спросил о том же /наша последняя, слава богу, встреча/, меня дома; сперва пришел он, потом Неронов, потом Елифанова, 25.09. /акум процесса/, в издательском зале: "Где же, по твоему, я их /организовал/ брал? В ГБ?" - Пожала плечами, мол, откуда мне знать где-либо - я же там не работаю. Поэтому вознаграждение читателя рассказом о том, что, кроме меня, "не знает никто, даже Братья Царе", я имел, как говорилось мое заявление президента: Чеверев сделал только одну ошибку /как и я, признал пока счет 1:1, остальное "следует"/; Чекалин - не ошибка, а трагедия/. Как-то летом 1982, когда мы ~~быстро~~, то есть я, он и Валентин, который то ли куда-то винил, то ли заснул, вернулись после вечеринки /от Елифановой/ "Милей" заявил на меня "последательство", что выражалось и в очень забавной /потом цене/ словесной форме: "Я хочу в аз". Из моего стола же великого /этюда/ "должных выведов не сделал"/ - "Ничего не могу для тебя, Виталий," - привык вернуться "к вопросу", когда он проводил меня на работу, где, кстати сказать, меня подозрительно быстро "раскусили" как диссидент: - "Нам нельзя оставаться падалью и быть при этом пьяными"/. Так, в воскресенье 9 января 83, какую ареста Валентина, неподалеку открыто меня /и его/ - на прощанке. Все это, повторю, при муже, а без него был скромен, виделся со мной /до сих пор/ "разоблачения", лишь раз /уменьшити случаи, иссостоялся поездка за Джиллеем/, в присутствии Елифановой.

Ага, - смекнет заинтересованный читатель, разочарованный, что "романтический счет", так ужиконечно находка в документальном, но никоем повествовании, обетро ивсяк. - Не предстает ли все, что говорится здесь о Чевереве /"Вы его поверите!"/ - воскликнул Царев. Странно слышать из уст советского следователя /- икак, не месть ли это замужней женщины слишком в силу тому, не зная так позиции ее претенденту. Так, так и понятному /в смысле, не выражению Валечки, "не прекраще"/, - заворяет не просто замужняя женщина, а жена Новосельцева, иные, к тому же, "ученика совести". /Это к свиданию других "претендентов", буде ли к стати позиция/, А муку не сказала /о чем жалю, не счет прежний 1:1/ потому, что "участники треугольника" /кроме Валентина - в этом и/ "заиграли": "Только бы этого Дантеса я видела!" /ставили в промежу интересы дела выше личных. Как мы берегли Чеверева! Как она залась за его "неприятность"! Подумать только, оказывается, он не только нас, и всех знакомых по отцовности, из названных здесь болтливую Люську и, вспомнилось потом, Келю Иокина делал соучастниками своей без капичек опасной тайны. Справившись, куда бы ему спрятать хранящиеся у него секреты, на что Новосельцев встревожно ответил: "Я бы, жалая что-либо спрятать, прежде всего не пресил бы совета, или, видушил, поступил бы по-другому"/. Еще кстати: ни мы, и никто, "даже Братья Царе" не видели, как Чеверев фотокопировал, об этом известие /теперь - и суду/ только с его слов. Единственный "оригин" /не из ГБ/ - Джилле так и не дождался "обработки". Уважаемый читатель! /скептический, "заинтересованный", разочарованный/- Вам все это повторю со щедрением не напоминает?

Итак, в одну из первых встреч с Валентином /скорей всего, с четверга на пятницу, после того как мы с "богатой Люськой" впервые сисели передачу в "Лефортово" и она поведала мне, что у нее и/ Виталия был обижен /протеколе/ я теперь уж не увижу/, но "негативов вроде бы не нашли": повторю, ночью с 13 на 14 января, я работала /не важно, в голле или на бумаге/ над "Текущим от стола"- и /писатели не могут без Бога, верующие и неверующие/ меня осенило. Действующие лица, выведенные там под вымышленными именами, представились моим /"с кого - кого стала он писать"/ для "Тайной Венеры" /исложилась фраза: "Иду - с Милей". В художественном пренебрежении - залата, здесь точка.

Далее, как по "маркиным словам линии", выстроились факты, первым, само собой, "и хочу вас", - не знаю, разочаровав ли читатель, и - да, однако, подделом: оказывается, /преду процессия за пребывание/ "вопрос" все на этом, просто - пребывший шар. Но, мы уже сказали, д е л е в а н и е . Сколько раз Чеверев враз, не напомнил того, за что сам брался /сказал, что онутил письмо в почтовый ящик, проверяли - ничего подобного/; занимал свои связи с "Хроникой" и диссидентами, например, арестованной изменил позже Валентина Воледей Альбрехтом, о чем это никто не просил; передавали чужие, без каких опасные разговоры, без ведома говорившего, другим же рассказывали о своей "исхоронности", в том случае же имевшей место /"Валентин звонил к кому не работу и сообщал..."/, ясно зная, что речь идет о другом и как муха вообще берет "Витамины" рабочий телефон, номер которого никому не велел давать, - "У.У.", и пр., и пр. О "прежнем попаде" я тогда даже не вспомнила, теперь "подвергалась", так как с Валентина /в "Тени от стомки"/ "сопротивлялась" не Христа, а "разбойника, обратившегося на кресте".

Теперь с "серебрянках", или "башнях", или каких там еще называют. Ганочка их, лет Бытский Сергеевич /не боится, но меня и мужа/ принимал единственным раз у себя дома /в окружении матери, расставшей раз в четырех суток /жакетной, пленкоюри/ки, химии/ тогда на даче/ замечательные. Тарелки у него лучше, гельные панихи и чистом посоле /известно обрастили имишице и Новосельцев/, "ураф" по натуре, первоначально к посуде, которой улицу - и приобретен на "Крови", и моя, и даром - расколоты под горячую руку/. Еще деталь /то уж не "чеснок"/. Чеверев, кроме эзекиэльского обода, "упомянутые машинальной записью передачи о Т.Н.Волковой /хорошо, но какому ради/ - Новосельцев начали проявлять интересы, и дошли до конца, тогда хозяин поудобнее занялся им, а прошедшее, видимо, экономя плюну, по-моему, хотят в технике и тупа/ по-моему, стар.

Итак; "Зачем я от вас и вы все это делаете? /что именно - ябо, думай, теперь и читателю/. Что мне за это - деньги платят? Большие тыщи?" - иронически спросил меня Чеверев /нашу/ "посадницу, слава богу, встречу с глазу на глаз. Отвечу, так как относится не только к нему. В том-то бедное устроение "бесперечного" режима, что из ценных сокровищ в рядах его охранителей /тем более на такой, всеми, были же презираемой службе и/ и/ и/ не работает. Дело для "замзва.. Конев: кабинет, созище власти, атра, ищущий кому-нибудь Петрушку - и склад, конечно, тут симел есть./ Материальным производством надо заниматься, - научил меня папаша, - Вините, какие "лыбы", - он выражался не так, - у вас сумаски поднялись!" - не повиновелась, считает ли он это материальным производством, проходила видо: "Значит, им правят"/. Но вернемся к Чевереву. А секретной, она каким-то способом /стукши/, как бы выразился /сделавши делей, сдадши акомпрометированши/, уличенным в мастроскии и долгательности, вредебомых рожицу - и проводников либо физиологии и науческии уродных /или Енгфрановы/. Таким можно не пахнуть. /Эти методы изобретены и на Западе для борьбы с ганстадизмом; так было и при царе, может, и "при царе Горохе"/. Персонально о Чевереве никаку миногузу, что его "падень" совершилось, когда он, очень болезненный архик, не раз получавший отсрочки из-за высокого давления, попал-таки туда, не - в костровые волаки и на бравитольные лапки должность, типа шеарской добчило и тонкий психологический аспект, над которыми посидочные люди, зная изложение преты, не всегда закумыкаются. Часто решения /за вбросившее презрение/, аромат игры и риска, сознание, что дурачина в это же в том числе и оряде чистых людей /никакие которые, кстати сказать, очень высокого мышлен с себе: "Любка! Не может быть: она хлунка"/, заняла она гордая и великолепная Дара. И, до простиля мое, передела Енгфрановой - пусть утешается.

Остальное "по литературе", что еще не ясно читателю, фигуранты на процессе уздали из " показаний В.Натрия в предварительном следствии", которые были зачитаны в отсутствие свидетеля. Так вот. Однажде прокурор и адвокат не возражали. Мы их спускаем, как звено, для судебного следствия не важное, и заявим последовательным изложением фактов. И так, на предложение скать вместе "к Нероничу" за Джильасом Чекорев ответил: "да что таинственное, уль почь, пусть еще почитает". В субботу, 4.12.82 ин. то есть "пограничная ложь", я, Валентин, Чекорев и подсаженный Никандр Натрий, только и ждали "Неронича", только с ним и говорили: удрученный момент, ведь "офицер по воскресеньям не сидит". Джалас, лишь "изогородийность", а то думе, что из Москвы, договорились приходить к нам завтра с утра, по приезжанию хозяина. Так и ждали; но вскоре после них мы сидели за столом, в центре которого - большая сковорода с картошкой, ее очарь искусно умеет каштить Валентин/ который не поклоняется, всегда, а особо в воскресенье, немецкие "вести" с ордером на обиск, затем уж и Натрии - в Джильасом в руке.

Таким образом, вымогательство Натрия, вынужденного накануне у Валентина книгу, /хочь, или не дадут, и что на ночь, а не на сольце/ долгий срок/ чуть не спутало карты. Невозможно, как противоречило Новосельцев судьбе Неронова, утверждение свидеток в изобете: "Приходит? Ну, так вези обратно". - "Да нет, мне они уже падают". - Натрию, начиняющему два дни, что "мы, противники, ничего нечего не достаются, поскольку мысли усаживут и подготовят к восприятию официальной гигиологии"; "Читай здесь". - "Да нет, побику в гостиницу, севшую, пряму дум...". - Ему же завтра по телефону: "Чего тебе к нам торопиться, у меня гости, мы сейчас уезжаем". - "Подождите меня, я почти до чтиши, солнце приносу". Из показаний, зачитанных в суде Натрия допрашивавшим: 6.12., в понедельник, в прокуратуре и специально вынесены по делу в ГБ во время съемки, не ясно, как совершился переход от его первоначального утверждения /на обиске/, что книгу накал, к тому /всегда по-лученню/ предъявленное ему заявление Алексеева, что книгу накалнуло от Новосельцева, и от "Неронича", принесенного свидеток /он-то при чем?/ - к В.Ф.Неронову. У Новосельцева свою версию: "Натрий - прокуратор, он еще в один из прошлых присягах пытался вымогать у меня кровь". И ответила: "если так, он Неронича не выдаст. Прокуратор расчитал на длительное использование, должен вынести доведение /1/. чтобы не занимала сразу информацию, известную от него одному", но тем и это: скорей всего, и фраза ожидания /жажды, без пяти минут доктор философских наук уже на обиске/ "Ребята, я говорю!" - сказали оставшиеся. Когда названные воскресенье "вести", наконец, вышли, приставы-хозяин для диплома. - "я любознательность". - Отрезала я, - Р.У./, тем более, перед исподкуными, введенными Бурцевым, неуважительно произнесшим: "Вы врете" и доставшим склад-го заявление Алексеева, - говорили потерпевший голову. "Вы врете", - сказали еще из автата, 7.12., тот же Бурцев, теперь уже "бывшим" /бывшем/ Неронову/, которого доставили к нему лично из коридора института, в портфеле синтезума, накинувши си /Неронов/ привлеченных коллеги-Центрии, - я, терпеливая, включил по стол показания последнего. /то-то был бы смех, если б один из двух коллег оказался не философом, а богословом, под заявлением же подишасти, коскленку тождество его, автора и лица, выступившего на суде, не установлено, из Алексеев, а "ректор Городской". В общем, "область за дедку, дедка - за ренку". Обидно лицо, что эта "подарка" занесла /столъ одиознейшим и приставшим способом/ "въединенный" Бурцев из прокуратуры, в "занявшему в честолюбию цепову из ГБ и здесь не пришелся пересидеть. /и та, что

"Записки Валентина Новосильцева из СИЗО № 1 в Соль-Илецк".

Я предельно возмущена тем, что в недавно состоявшемся в Московском городском суде процессе над Валентином Новосильцевым использовано мной в совершенно пальмитированных фразах, связанных с актами давления на Новосильцева романом А.Г. Солженицына "Архиепископ Губерт".

Я напротив виновата в моем преступлении об этом эпизоде. / Прежде всего, никто, и тем более я Быковова, не знал о том, что в Новосильцевых ми позакомились с художественной выставкой ... / Даже сознание было чисто эпизодическое. / Мы следовали только со искусством. Никакого романа "Архиепископ Губерт" Солженицын мне не давал и цели не дал, потому хотя бы, что и этот роман мало имелось в общении с общественностью. / Именно и дала мне Реклама Урбани / в коробке, в виде фотокниги для продажи Новосильцову, хотя он меня со всеми и не дроши.

Через неделю "Архиепископ" был неподдельно мне возвращен начальником УФСБ по Челябинской области, что означало не только давать предъявить суду этот экземпляр "Архиепископа" / / Рассуждается, учительская общественность Челябинского террора, царящая в нашей стране, и по дорогу "Архиепископа" дома к отказываясь указать, где и у кого он находился. И только хочу сказать о В.Новосильцева бремя членов семьи. Он доказал, что роман Солженицына наводил его на мысль, не видеть пытавшего жалкодушия, желая избежать моей ответственности за распространение подпольной литературы / /, а суд принял это за чистую монету только из-за недобросовестности следователя. Следователь не удосужился даже допросить меня. Как можно было признать к рассмотрению показания моей матери, которая вытравила, застегнув тем, что случилось в нашей семье до тех пор / и была осуждена 1970 году по 70 статье УК РСФСР, не разделяет моих политических убеждений / она член партии / и была в узле, обивая подобную литературу у себя дома. И в мае она никогда и никуда не делилась / / Но показания моей матери не имели ничего общего с действительностью. Она закурала и высадила в замужнике следствием и бессмыслицами.

Я направляю требование, чтобы дело было пересмотрено, и я была допрошена по поводу "Архиепископа". Я вообще не проявляла интереса к защите моих убеждений и не считала распространение чистого, честного, талантливого и очень нужного России романа Солженицына преступлением, но разумея класса закона это преступление, то, очевидно, нужно за это следить за Новосильцева. / Никаких заявлений против В.Новосильцева я не давала и не подавала. Если такое у следствия имется, то это фальшивка, и я требую уголовной ответственности. Мне хочу добавить, что я возмущена жестоким прокурором, вынесшим же в честь моему Новосильцеву, и самым честным преследованием за политические убеждения и распространение каких бы то ни было литературы в ССР. Считаю этот факт страшнейшим зачехарствием и надеюсь, что мое мнение разделяют все честные люди страны.

В.И.Новодворская.

Милый Дядя! Кто и говорил, что любят тебя, те и умрут? Михаил, спасибо /мне в лицу кончили/. Но она, жрица, винит что доказательством ее небесного, чистейшего авторства. А я, и с чистейшими единодушными, "хорошателами" Патриарх, "обидчиками" Народом, не хотят умозы разрыву между мной и вами? Тогда же я должна доказать правду, отыскать чистейшее ей /общее название: "спаситель-объягаем"/. Но чому сразу же схватят /что ужчай в знакомстве с подпольной литературой/. А потом призвались - снять из страны! Ради каких цели, не надо добывать доводы. Одно утверждение: ждете ли из вен /хот и привезлись/, а Новосильцову /помогли расширять свой кругозор, имая, дело с порядочными людьми - такие все искют обманом/. Но встречаются и известьи, которые пребывают /объектами/ "честного" будущего и "честного" прошлого. Но и на правды то, для кого дальше "исловит", с Новодворской /подпись пропала на с. 10/

"вотак", а Новодворскую нельзя привлечь на суд, как б о л ь ы и у -
недостойны. С них хватит: "доказано - не доказано". "Литература и
честь" окончена.

Свидетели Арыкинъ, Крюсековъ и Петровъ /КИСБ/.

Что и следствия то было! - воскликнули мы на стр. 5 в обещан-
ных о р о познакомить с вами, но сожалея, что запись так разра-
стается. Поэтому напомним, что речь пойдет об "литераторах, клю-
вательческих" устных выказываниях Новосельцева, частично перечи-
сленных на стр. 11, которые /сам факт и не характер выказываний/
он отрицает. Выступление каждого из перечисленных свидетелей Ново-
сельцева проходило как "выступление" /и одни выступления к "делу"/
произошло не было/, уточнивши /праворукими/ характеристики,
данные ими /видотелей/ предпринятым. Вот что мы узнали: первыи /Архиповъ/ - пер., принадлежал к товарищескому супу и в краху не
только каскетного инструмента из тумбочки, но и телефонных антен-
таки из клювиков у мачты "Спорттрексер" при ВИСТИ и расстояние до..
записываемых по принципу недоволенности, что свидетель "израсходо-
вал чайки"; второй - пылким, кем, выражим, в все в "опыте сконфи-
рмированном" /все при КБ, так что самая склонность дискусии разгора-
лась именно на тему, "кто больше или в меньшей ли в этом Новосель-
цевъ/ /хот отрица/, однако, заявлял медиками у рабочего места нес-
таки /Бородинъ/ по характеристике от предприняты, тоже "израсходо-
вал чайки"; третий же наделен перечисленными перекликами /с Новосельце-
вым, но никаком случае, не им/, член партии, не имеет на подобдимо-
го /зуба/: он сделал тому /Петрову/ замечание, что медикам работают
за Новосельцевым кому и учинят/, то есть менее тратят служебное
время, инструмент и материалы на ремонт личной /т.е. Петрова/ авто-
мобильной кабинки, в частности, клювиков для антенны, и т.д.

Как он там ни было, свидетели имели ханки куда противоречили
себя в друг другу: то Новосельцев говорил что-то кому-то из них ви-
лично, то "антривал рабочий" /ах, как звягнулось из предста-
вленного Новосельцевым собственноручно исполненного писма "Печки", и в
приложней сказать, "наркотикой" при КБ и т.д., все же, кроме
перечисленных, три "человек-верстака", - обозначение на память,
что и в тех, без верстаков, не приклевали/; то "кричал" /третьему
/Петрову/, а он, види, в порядке иного выражения, последним, же, и
припомните: Ну тут, когда приспособили сюжеты в Польше, когда - в чисто
Афганистане, в самом году новосельцев, обиженные, что это видо-
риют "в командирку" на период Московской Олимпиады /за участие в
подготовке которой он был привлечен, о чем есть запись в трудовой книжке, иные наркотикой/, якобы грозились разорвать контракт! Главное, никто из моих воспоминаний не упомянул закрученные бороды-рощи, "верно записанные с их слов" /читай: с этикеткой/ следователем Тюнинъ /напомни/, что в отместку Новосельцеву за отказ от выступления по
телевидению, вернее, обещанию "подумать"/.

Судья Сандаковъ, /заявляет из "сли"/. РИ это говоришь? Верно, с
показаниями, что Новосельцев говорил: /если кто-нибудь его /член/ Архиповъ /Бородинъ/, Петровъ /Разинъ/, значит, изброрул. Стало-
ко времени прошло... /насле чего? - запомнил вопрос, который задавал на суде к Новосельцеву. Некоторый день в апреле-июне, 18.05 час
"дело" поднято: как же, при такой избирательности, помнить и стольких ма-
тросов формулировать /человека/ и о выклянчании, пишущие якобы же-/Гр-
сте на противника /и т.д./?. Приведены в них фамилии были же
Адвокат Бородинъ /заслуженный юрист Российской Федерации/ и другие
справляют у каждого из свидетелей один и то же: "это бравада, креп-
тиковатое изображение для оправки у рабочего" /т.е. еще раз/, кроме выдо-
телей к Новосельцеву, "человек-верстаков"/. Все другую информацию им
/о, да в том ли деле, упомянуты Бородинъ /заслуженный юрист/ Баню,
не как обозначить выклянчания, а не озябл, и что их не было, -
Р.У./

Он: "Я думал, - сказал Манюковъ /заслуженный юрист/, что лучше
скажет за то, что он /заявил в суде/. Новосельцевъ /заслуженный юрист/

А вот расчет коллективной вынужки - организовал ли хоть одну такую Невесельцев, отрицать столь решительные, как он, не берусь /мени там снять же не было/. Ну, предположим, почему бы ему, раз так повелось, и чтоб не прослыть скрягой, не устроить перед отруском состоявшейся, "рабов", как он в другой раз ^{небо} называл их, противопоставляя польскому профсоюзу "Солидарность", поскольку все они /и отказавшийся Петров, хоть и партийный, и автомобиль имеет/ - к "новому классу", в терминологии Джилаза, не относятся.

Итак, "ВИСТИ" свидети: "метрополия", раскинувшая два обширные корпса в стороне от Дмитровского моска, и "дочернее предприятие", или "марка", или КБ Спорттреккер, по Тимирязевскому тупику - все три здания модерновой "ничего скрывать"/, "аквариумной" архитектуры.

Надо бы с Валентином соединенные усилия - от них остался бы /если уж у/ "Лефортова" передняя стена отвалилась/ один "стеклянный дым"/ цита-та из Бессина/. Но - вести по доверенности гражданское дело Невесельцева /о восстановлении на работе/ пришлось мне /прониграла в двух инстанциях/, а здесь, на уголовном процессе, я уж не смогу высказаться. К тому, гражданскому делу присоединя и руководство заявления Невесельцева, и "Протокол производственно-технического и финансового обследования" на предприятия ВИСТИ, поданный нач.прокурора Тимирязевского р-на Копцовой и от ИК профсоюза работников культуры - Л.А.Козловым.

Администрация ВИСТИ /директор - А.Михалев, начальник КБ "Спорттреккер" - Б.Краснов/ не раз выступала перед Тимирязевским районным судом в качестве отчетчика: за произвольное распределение премий и по поводу некоих увольнений, в частности, Линкера, где даже восстановлен, но он вскоре ушел "по собственному желанию". Андрианова, Коньковой, Сырутиной. И - все идет своим чередом. "Утекает" бензин, шиферам вышивают "липовые" путевки /а те, в 1980 году, вдруг забастовали; начальство пошло на уступки, потом смутились уволило/, инструмент и материалы раскидали в беспорядке, под открытым небом, разхищаются /например, мастер Мешалкин, который значился в списке свидетелей, но не явился, строит с их помощью собственную дачу/.

Во второй и третий день процесса, когда от него вдруг пропали несколько заявлений, срочно переименованных "Собственоручные показания", Невесельцов сообщил с тем же Мешалкине, что он во время коллективных пьянок посчитал ведку /за которой посыпал Арьянова либо Иверенкова/ и закуску, собранную со столов/ веретаков?/ в кабинете нач.КБ-Краснова. Трагательный демократизм, единение классов! Кстати, Краснов при мне /Р.У./ кричал на зав.группой Варничеву /у которого до увольнения работал Некин - ~~дружинник~~ их обоих Невесельцев хотел видеть на суде свидетелями, но не добился/: "Ты что-то развел бурную деятельность! Я тебя!".

Охарактеризовал Невесельцев и второго нынешнего свидетеля с предприятия, главного конструктора Грачева, инициатора его /Невесельцева/ осуждения на 15 суток /12.11.82/ за "скандал в кабинете Грачева" - ~~ижиникутый~~ судья перенутай, - "в кабинете директора 30-го октября"/. С Грачевым в Дзержинский районный суд должен был тогда пойти конструктор Янкин; но постыдился, так как делал в чертежах много ошибок, которые Невесельцев исправлял, а декларацию на Янкина /Грачеву/ не подавал. Читать чертежи и поправлять в них ошибки было любимым занятием Невесельцева, внемним, если не единственным благом, которое предоставлял ему ВИСТИ; лучшие, самые точные конструкторские разработки, по его отзыву, приписывали якобы Некину и Варничеву/. Янкина в районе заменил нач.отделения О.В.Мещанов, непосредственный "шоф" Невесельцева. Тот вообще в момент "скандала" в помещении КБ не находился - куда-то сидел не служебной, надо полагать, надобности: "Я думал, - заявил Мещанов 12.11.82 в Невесельцеве, - его покидают за то, что он раньше говорил". - Невесельцева "очермили"

— 24 — НОКИИ и Новосельцева своим заседанием 15 июня на основании показаний по дислокации свидетеля Грачева. Этим дело не кончилось: административный арест на 15 суток прокуром не является и входит в трудовой стаж /; зато по материалам, предложенными следствием Дзержинским разумом Новосельцева /заслуги!/ обсуждали на общем собрании, проголосовавшим ходатайствовать перед администрацией об его увольнении. Подлинную причину отсутствия Новосельцева на работе от коллегами скрыли, но достаточно минутами его привором. Показательно, что инженер-конструктор Грачев, мастер Менакки и начальник отделения Менаков /его Департамент/, возглавляемый предприятие, начальником управления о Новосельцеве, и показанный даже в предварительном следствии мот /— лица, более честолюбивые не подозревать/, в суде не заседание не находилсъ. Выступили только двое наиболее склонометированных, которые сами на работе держатся сле., да Петров — из долгу партийной номинальности /аль/, что не было престарелого слесаря-пенсионера Ломако, которого Новосельцев уважал /думаю/, подносил ему тяжелые заработки либо инструмент, взятый /место со мной, — Р.У./ зарплату на дом, когда тот хворал. Об этом, а также о том, что это, как и других, занимали погрузочно-разгрузочными работами, комментировали на заседании предприятия /путь или заканчивать в гальванических ваннах металлы/ и для монтажа готовой продукции — в Институте физкультуры. Новосельцев напомнил, задавая вопросы свидетелям /том уж, какие были/, чтобы проверить сказанные о нем в характеристиче-ской, данной администрацией "авторитетом у покидающей не пользуясь, в жизни коллегиства не участвовал" /оказавшись/, только на судебном не выходит/.

Как же все-таки работал Новосельцев на последнем месте службы? Судья. Да все свидетели /т., начальник фаб., — Р.У./ уверяют, что хорошо.

"Новосельцов прекрасно разбирался в технологии обработки металлов: читает чертежи /и поменяет, добавил, там, кто это не знает, например, Игоренкову/, проводил резку, сварку, электроэрозионную закалку, сборку готовых конструкций, вносил предложения по их совершенствованию, коготом пишет эскизы /и на шлифовальных станках /сомнение/, которого его линии /адает/ процедурие очистки ямы, точка, засорявшаяся безупречно! /из моей "Классической жалобы"/ по гражданскому делу Новосельцева, поданной в тот же Мосгорсуд/. — С чего это вы так разборчивы в производстве?" — спросил меня заседатель. — "Не долгую жалю и потому, что вообще интересуюсь данным, а не будничными "делами", вы же, кажется, наоборот", — Р.У.

Ну, а теперь, как ему там работалось. И этот момент /отраженный также в "Классической жалобе" меня/ — упал с кафедры перед судом Новосельцев: как ему угрожали сокращением /личие Краснов/, учили в здравотделке /спод. сокращение сначала якобы по приданому, а когда он потребовал институционального экзамена по своей профессии — прояснили, что предложили и с Нокким/; перевели "по производственной необходимости" в котельную, якобы, что "взбранил", но он подчинился — тогда вернулся к прежней работе; пытались отстранить от участия в производственных мероприятиях, и т.д. — и все же Новосельцев держался 4 года, из рук его вышло много высококачественных /как он выражался, "точных" звирного зида/, а то и уникальных изделий.

"Это вас не волнует, — заявила я в планке, которому подсодомотивы висти. Глазенкорпрема по Метростроевской, 37 /вот, куда, оказывается должен был обратиться Нокки, который просто, скромно подал заявление об уходе, а Новосельцеву в этом не прижался/. — Вам не виню, что Нокки — хороший инженер-конструктор. Новосельцев — прекрасный рабочий, все не устраниют их ухода!" — для членника /и первых представителей "нового класса"/ ответила, отчего же, убеждения — личное! дело каждого, но лучше хранить их при себе. Новосельцев уволили не за то что плохих работал, а за "за ухода", а за прогул /а поездки за чт?—Р.У./.

- "Да, но если бы органы ГБ обоснули Некина и Новосельцева своим вином, оба работали бы у вас по всей цели". /К Новосельцеву на работу приходили "оттуда минимум трижды. Первый раз вреде с "добрими намерениями": "у вас проводится секреция, если хотите, можем вас защитить тот ответил: "Я рабочий, сумею защитить себя сам", - оказалось напросто. Далее - упомянутая выше книга и "командировку" из времи Олимпиады и бенода с ним - и Некиним - по поводу 10 декабря, все это в служебных и бытах, предоставленных администрации, представитель которой, начальника, присутствовал при втором разговоре/. Ответитель Некина и я, известно следующее: он, еще до ВИСТУ, работал на предприятии типа "ящика" и был замечен в том, что у Лоблинского суда во время процессов Твердхлебова и Орлова, который раз даже сидел 15 суток; за это его лишили допуска к секретной документации, вынужден уйти "по собственному желанию", о чем он на первом месте, разумеется, не сообщил; но там же неизвестная ему "юридическая подкованность", что он консультировал и законно уволенных, а также раздобыл упомянутый "Протокол обследования" - это решил его судьбу, в смысле инвалидации конструктора и катогории, на аттестационной комиссии. Так что жаль, конечно, что на проце се Новосельцева не выступили склонности Некини, устроившись теперь на новую работу, которая, подытож, доводит, в Барнауле, зав. группой КБ ВИСТИ, если он еще там - по длине и в ходе лучше/.
-

Высокопоставленные лица из Главспортпрома попытались отговорить ее мне обсуждать не стали, только посоветовали, зачем было Новосельцеву бояться. Они вот послали по его заявлению от 10.11.82 на предприятие ВИС комиссию... - "Ну и что?" - интересуюсь /насторожив ведь об этом не успел узнать/. - "Факты и они подтвердились". - "Стыдил лиший раз убийца меня в правильности действий моего мужа, /о чловицами ведь как: не дают в защитники Борисова - значит, есть резон его доказывать/ - Граждане ССР имеют право на забастовку, иная страна, в числе других поднесала Пакт об экономических, социальных и культурных правах человека предусматривающий "это право"/ "Скоро у нас прогулов совсем не будет" сказал мне несколько ранее председатель Тимирязевского райсуда Борисов, симый "истолкователь", под стать разве зам. нач. Лебедевского голятора Бурдюкова, /считаю/ чрезвычайно и нелюбимый из всех, ветеранских моих и сисм тернистом пути чловиц, - я согласилась, имея в виду "занятую редкую политику" последнего времени, но он продолжил. - Прогулов не будет, для забастовки. - "А как же?", - возодумнулась я. - Надо к рабочим как-то оставивать свои права!"/:

Представители "нового класса" от Главспортпрома и тут не стали разрывать тему, но я начала, что, даже большие забастовки Новосельцева, не злит следующее место в его "заявлении" от 10.11.82: "любы тремя /и/ меильнее "трехмер", одна из последних вспомогательных, или совместных/R. неустоялся так долго, что небесостоям сталася "золотым" /и/ личество производственных затрат влечет за собой замыкание цен. Цены не контролируются а просто захвачиваются./ заказчик - не частные лица, а спортивкомитет при СМ ССР, тоже не единая организация, так что речь просто о перекладывании из одного государственного кармана в другой; но кое-что ссыдаст и в личных высокопоставленных карманах. R.Y./.нерегуляция труда отсутствует, а поэтому зарплаты платят зависят не от объективных показателей /качество и качество продукции, экономия рабочего времени и материалов, техническая промышленность/, а от того, насколько рабочий покладает, в ущерб производству и морю./ Ну, это уже с "рабом", но чловицки из "нового класса" все равно смеются:/ "Откуда Новосельцев так хорошо разбирается в экономике?" /вопрос, подобный заданному мне заседателем в Мосгорсуде, им. Высо-/ "Он у меня во всем хорошо разбирается. К этому, когда сказать, теперь вообще признают трудягами: "учерь хозяйствовсть!" и т.д."/ - ответ сильном пространном, и могут счесть демагогией. А надо было как Новосельцев на суде /му в "Лебедеве" эту возможность представить, в замен "Англо-русского словаря", который никак не досось передать, R.Y./: "ЧИТАЙТЕ ГАЗЕТУ "ПРАВДА"!"/

С ВИСТИ= "свисти", кажется, покончено. Но не со страшным вторым днем процесса, то есть 3 октября. Как помнит читатель /если неизвестно-
мые-то с Новосельцевым и матерью - да/, вечером, когда за окном уже темнело, судья приступила к чтению характеристики /и каких!/, бес-
сознательно /мягко выражаясь/ подебавшим следователем Ценовым. Новосельцев, человек /как вы, конечно, поняли/ очень самолюбивый, все держался на стуле в своем "собачнике" - я, сколь можно, "подпира-
ла" его изящной. Ясное дело, мы не будем их /характеристики/ по-
вторять /чего не хватало! - да и не запомнили ее слуха, - Р.У./. Оста-
лось лишь на даты и адресатах: все "по запросу органов следствия"
перед каждой /из трех, напомни/ "посадкой" подсудимого. Понятно, что там пишут любая администрация. На издевательский вопрос судьи, из
каких же еще мест хотел бы ей потребовать характеристики, Новосельцы
вроде новой плачами: мол, то забота следователя, у него время было,
для чего я и голодовала, а теперь уж поздно. Мы не заметим, что в свое /Валентина/ "новенькой, зелененькой" трудовой книжке, имея ксерочную
которую я отдавала Ценову пересчитать /теперь, как скажу подобими вле-
вал, сердце вздрогивает,-Р.У./, копия в "деле" - вложена справка о
полутера /16.12.72 - 17.04.74/ годах работы Новосельцева на КПТ /Кем
был начальником тканей в Комарово/. Что ж с тут уда не запросили?

Наконец, Новосельцев, близкий к обмороку от голода и переживаний,
/а может, не нужде захотел?/ да ведь не скажет/- улучив минуту:

- Проду перерыва для переговоров с моим адвокатом! Мне нужна в ру-
ки честная помада.

После короткого перерыва /не помню даже, далеко ли нас выгоняли/
и какие проносили манипуляции, кроме моего очаровательного безрезуль-
тативного требования, чтобы разрешили покинуть/ заседание фактически
не возобновляется:

Судья. У нас еще документы 6-го тома есть. Служебное время не
кончилось.../ей подоказывают, что идет 8-ой час вечера, все измене-
ния Мосгорсуда, кроме зала №, пусть/Ах, так! Слушание дела возобно-
вится завтра, 4 октября, в 9.30 утра.

Мы же, распластавая временем /оно у нас очень много осталось!/ и ме-
стом ~~за~~ /за/ заседания /занятым изъятие в этой зале диффе-
рирующие /мягко выражаясь/ характеристики - находящейся на нас /по дру-
гим параметрам/.

Бесцельность Новосельцева поражает, прежде всего, несостыковкой сро-
чного /деликатно выражаясь/ реата - мои корпуса и конечностей: руки
/сильные, цепкие, большие, кисть небольшая, на одном пальце не достает
фаланги - никто практически не замечает/ кажутся длиннее ног, тоже шир-
ких и крепких /как кедровые бутылки, - смех/ я, Р.У./. Лицо бледнее
/чуть не сказать: "как у карбонарий"/, в пробиль смотрятся хумы /свет-
ло-шрамах латур. Поскольку сията упомянутая трогательно кудрявая ново-
льва, страшно выирают складки, которые, как стрелки часов на "без 10 или
два", кажутся особенностями оттенков перед, а не уходящими к вис-
кам, парашютные "циферблаты". Аккуратная /почти не склоняющаяся к/
недоброта /борода и очи в прямоугольной оправе придают /меламид/
интеллигентный вид. Нос и рот /разделенные тонкой линией редких свет-
лых усов/ прекрасны, но передести, лоб низковат /отчего в профиль фо-
тографировать не стоит/. Глаза-голуби, сидят глубоко, отчего кажутся не
зельными, временами начинают смотреть, как у Раечки Кляйнера,
читающего "Аполлон Секрата".

Главные качества /кроме самолюбия, применительно к нему - скорее из
"ординарных": энергия, излишняя трудолюбивость /произведенное первых двух/
и однозначная лягушка/. Острый, аналитический ум, достаточно рабочий
в сочетании с мучительной честностью, вообще высокими приветственными из-
явлением. В клубине души - некое, привычное, не выносит кроме и чужих

Новосельцев родился несколько необычно на две недели раньше, чем указано в метрической записи /7 или 8 февраля, по документам - 21/ и вверх ли вниз /а не какумой, я, между прочим, тоже,-Р./. Люди сказали: "будет несчастный" и еще: "гордый" - одно другого не исключает. В детстве, лет 8-10 он заболел - отказами ноги /какется, ударил током/, излечил же его какой-то старый деревенский колдун-отшельник. На перевозках жизни его посыпали иногда синь, можно сказать, пиджак, которые он запомнил /В художественной форме это отражено в рассказе "Тот старик берегатый"/; придавал значение совпадению чесей, приметам, например, разбитому зеркалу. Мы встретились с ним в мае 1978, "не узну" между его и моим днем рождения /у меня - 8.09.39/, когда оба, в среднем "исполнились" по 40 лет. А познакомили нас, вернее "связали" /то есть дали ему мой адрес на пти в Москву через Урал/ человек с очень подходящей фамилией Узлов.

"Какая-то мистика, - сказал читатель /"закоторесованной быве"/ усталый, а то и блаженствующий, - может, и такого найдем?/. - При чем тут богатая /в тексте - более пышные эпитеты/ интуиция? А вы, читатель, ...какой уж там, любой/ знаете, что она такое? Верующие они сказали: то, что в нас от Бога. /В современном "абракадабровом" языкообразном переводе - авторизм логического /рационального/ познания, позволяющий, пропуская будь звеньев, решить сложную задачу с оправданием, как бы в другой стране. Вы этим способом соладаете? Тогда величите на сладущий заголовок и попытайтесь воспроизвести написанное там /потом скличи/ за меня.

Новосельцев и дневники

Оговоримся сразу: все действующие лица очерка, кроме упомянутых эпизодически, и диссидентами, другого говоря, не относятся. Это либо агенты, спрятанные за спинами к среду, которая очень любит их "выдавать" /но видят не тем/ - Узлов /на чем я нестаиваю/, может быть, Чамовских /первый - настоящий Нестр Петрович Верховенский, очень напоминающий внешне Чеверева, но назначительней; второй - "мелкий бое"/, тоже очень знаменит по русской классической литературе/; либо люди просто автографы, "строго говоря" случайные, паки на диктанти. Среди последних самая калеритная ценура - Юрий Ильин Федоров, которого я лично не знаю, но хорошо представлю по отзывам Новосельцева, очень его любившего. Именно Федоров, видимо не понимая, "откуда ветер", активно ввязался в осуществление коварного плана: натравить "послание" на "столпы"/заодно перессорив и московских диссидентов с "натерскими"/ - подуреческих идея, принадлежащая Узлову или /что то же самое/ ГБ.

Федоров и Чамовских вместе сидели в лагере /дала у обоих были очень "запятые"/, где "удачно завязали" не им начатый путь /а расплачиваться, то есть валиться в ногах уголовников, пришлось одному Федорову/. Узлов тоже отмывал срок, но раньше /вышел, скорее всего, в 1975/, по /туршевскому делу "Уральцев"/ которых, теперь предполагают, он и завязал, либо его "обращение" совершилось там, то есть в зоне/. Любопытно сооставить судьбу его и Федорова. Первый /умер/ благополучно проживает в Швейцарии, хоть и пишет, все пытается вернуться /"в качестве кого?" - спрашивает Ильин и сильно задевший его, то есть Узлова, работе/ - второго /Федоров/ эмигрировал значительно позже, в 1981, прямо из ссылки, фактически "поскали за смерть": попал в Риме при странных обстоятельствах, в автомобильной катастрофе.

Такую же роль елеевого /относительно движущих им сил и целей, которые они, эти силы, проследуют/, по очень активного орудия /и никакий/хладнокровных, подлежащего уничтожению в случае выхода из-под контроля, предназначали Узлов и Новосельцеву: "Хореин ты мышик и, вроде он, поступаешь правильные /в оригинале: "правельные",

далее мы, при всем плехом отношении к автору цитируемого письма /Новосельцову из Минхена от 17.11.80/, не решаемся воспроизвести его орфографию и пунктуацию, отметим только трогательное "лидер", иск.раз., Р.У./. Однако последние твои заявления и умолчания ввели меня в некоторое недоразумение относительно твоей позиции. /.../ Пишешь о каких-то деньгах /якобы/ дщерями президентами Узлова за визу, -Р.У./, что явный вымысел может, что же сбыва, что сидишь на хлебе и воде, телевизор, и тот берешь на прокат, - заключено в скобки автором, -Р.У./ Преследовать же цель - расколоть меня с известными дщерями тоже нет смысла, поскольку всем давно известно и так, что пересадально я к некоторым отношусь дружески, свою же дружину считаю вредным, с которой надо бороться. /.../

Раньше была у тебя прекрасная позиция "мощного и тайного пурпурного дщери" /кавычки автора, -Р.У./. Последнее во время, когда тебя спрашивают на суде /перед судом/, очень страшная при такой осведомленности о делах Новосельцева: он ни на каком суде, кроме собственных, не выступал, а только на следствии по делу Гимзбурга, куда, из немногих, его доставили под конвоем, и Т.М.Великановой - одна раза показания давал отличные, не с точки зрения следователей, -Р.У./ в /наце бы "о", -Р.У./ своем противостоянии Сах. и дщери, ты почему-то решил отделаться молчанием? /вопросительный знак стоит в письме между двух точек, -Р.У./.

Время же требует дружно наводиться и придумать всю эту "хронику" /в оригинале - строчная буква, без кавычек, -Р.У./ и компанию".

С Узловым все ясно, вернемся к более ранним событиям. "Откуда ветер", с ееей резкостью показала упомянутое следствие по делу Гимзбурга в Калуге, где уполномоченные лица, Сакушкин и Гайдельцев, училико "поли в учи" Новосельцову, поставили, как он выражается, "окантиру", перечашую /микро/ сказано/ московских президентов. Что-то в этом роде пытался "вынуть" мне Цапов - уж я его послала! -Р.У./ Ему ли одному! "Все наблюдают тут", - вернее тем, то есть в Калуге, в 1977; из наших знакомых, кроме Балентина, и Федоров /ому/, бедняге, вынужнувшей тогда в симоне, не удалось, кажется, отвертеться и от процесса, летом 1978, между тем, как Новосельцов, вышедший на свободу в начале года, свечко "спички" из Кемерова и находился "в битых", то есть или у меня без прописки/, и Узлов /гордо/ отказался давать показания, как Чеверов, на вопрос об источнике литературы; ому-то, Узлову, можно: знал, что вскоре покинет СССР/, а также множество "программаций".

Федоров угодил в симонку /за нарушение надзора/ из Дуги, где как раз сближался с Новосельцовым, спасая его адресами в Москве и провинции. Новосельцов, с удивленным рвением /за себя и "спального друга"/, рассыпавшего надзора страшные проклятия различным лицам, о чем демонстративно становится известие ГБ /объезжает бывших заключенных, выясняет их настроения /одновременно пытаясь где-то закрепиться, начинать работу/. Наводится он и в Москву /где ему всегда, вдумавшись в смысл фамилии, - очень хотелось укорениться/, и в Таруеву и Гимзбургу. - принимают дружески, но, наце полагать, с легким испугом. И только Марк Арсеньевич Морозов, горячая голова, неудачно приставленная к щедрому, более понятному толку /второй, после Федорова, пример человека, которого, как сказала бы Лера, "нельзя носить в Ленинград", - либо жестоко, многолетним заключением платят за свой романтизм/ - пожал, М.А.Морозов оказывает Новосельцову содействие /в том числе, с пропиской и работой/, а когда не /удается, становится его/ полагая, что не только /личным резидентом/ в Москве. "Эти мои позадки, - скажи на соде Новосельцову, - создали у [5] /мы скажи добавим: "не только", имен ввиду "историях" дщерей - всех информирует Узлов/ подозрения, не склачиваю ли я налогальную организацию.

/все за "оку-паку"/ - Р.У.
насторожили известия о возвращении в Кемерово и поездке Ельцина
в Москву. Так

Ради спрятанности следует сказать, что "настоящие диссиденты" об-
ладали волшебством в этот момент: пересели из посольства в милицейскую, которая вела себя в процессе /и вообще/ нашего реш-
ательнее генерального Барсова /другие времена и "дело" другое/. Но Ельцин
когда он /зимой/ лето 1978, как было сказано /также пытаясь в тех
"видениях" в Москву, уже через меня, это были первые звонки: осенью,
Шатуковской-Москве /запоре эмигрирование/, Иса Кашуба /в 1980 похищена. ВИ-
в автомобиле в катастрофе/ "исчезновение объединения" это с подозрением - вот
а Узлов скончалась распылами из диссидентским квартирам /втузик, точно
встряс, очень редкая вещь/.

Не - сяято место пусто не бывает. Еще "подожди" на свободе М.А.Зе-
мероза, который шел Валентина к Владимиру Смирнову, тоже герой,-
романтической ульяне, начиншей не сей раз нейзичевским мишре телою,
а у Смирнова дверь не закрывалась: в Москве /и под Москвой/ гастро-
лировал бутик компании "Барнум" из Нью-Йорка, приехавших вроде бы па-
сетать в йесу, но больше отирались, как было сказано, в районе набереж-
ной - /но другие квартиры/ в центральном положении "компании" "Каль-
соидиа"7. Веселую поэму, состоявшую этими добрыми молодцами из на-
мить и в центральные москвичи, я ее читала /и сожалела/. Содержание /за-
сс следующее: компания по очереди обиживает писателей диссидентов, крест-
предлагает какую-то интересную информацию и просят в квартире в кабинет-
ке не паре часов для доцлага уголовника, ее /информацию/ разделить это
меня, а потом будто-бы на одной квартире состоялся вернисаж, выставки
"трехсот" в центральном на шахматы, от кого получили. Все очень маги-
ческо, но... вот проклята, менее обобщенная: именно "компания" "Кальсо-
идиа" пускает по Москве слухи, что кто-то звонил Сахарову и угрожа-
жал привезти к нему "террористу", а вскоре еще кем-то иное оставило бо-
евали на улице Ирины Колковскую /иску Тимзбурга, находившегося в то время
в заключении/ с требованием помочь под какую-то /уволившую//. /
трубу какую-то /бюджетную/ сумму из фонда /так наз./ "Фонд Солженицы-
ни" для немногих узников совести и их семьям, который продает нажделенки
КГБ; после Тимзбурга и Колковской это руководительницей этой Сергей Ходо-
рович, а также 7 апреля 1983 представил /я так/ полежать поду-
трубную /одну/ зуду, иначе ляг Тимзбурга блонд-парикмахером /и/

И говорю: "будто бы полежали", "будто бы звонил", потому чтонич-
го подобного от самых "тостражников" не слышал. Никто, слава Богу, это
не произошло; но вот что поразительно - все свалили на Ко-
валевскую и И.М.Нед, хотя не они бы звонили и подложили /злоум/ это
кем? Колковская это в лицо знает, может, только ошибся? - звонил, вероят-
но кому-то. /А Новосельцев в Москве, поскольку, ничего, кроме Мерозу-
ва Смирнова и "компании" "Кальсоидиа" не знал/. Оно всем этим мне "а"
квадратными "злоум" рассказали историю измучение дика, указанные
только что в скобках, узлачко от Льва Белохвостого /один из "лондонских"
членов "Кальсоидиа", заходили раз и в наш дом/, который звонил он-то
дел в постах у Сахарова /момент трехмесячного смысла/. И ответила, что офи-
цер Новосельцев в Москве нет /то за два дня или некоторое количество времени/ и
сцены схватки на мост квартире посты, посадили в тюрьму /в се-
парате/ препроводили в Кемерово/; и в итоге "НЭТ"/ "лондо-
нских" организаций, членом которой признавались местные актеры /и со-
существует, и все это, насторожило, разыгрыв. Но

Потому я считаю, что это именно "сторонники" "Кальсоидиа"? Рассу-
жден, никто и не об этом не сообщал и в тот момент я час не думала на-
сле /то есть из сознания/ даже в том, что и мы на работу они пох-
одили совсем: потому, правда не потребовали, зато предлагали информацию
/о боях/, которую какое-то жестоко разоблачка /=турита/ у Колковской и
посадила к Сахарову, но тот ее не принял. Только то, что и она

что я была на службе и пригласила их туда, сняло меня от предъявления обвинения. Говорят, в поэме есть эпизод с моим участием. Так о чём я винна, чтобы это, и, главное, изложенное в предыдущих абзацах — "Кальсониада"? Как говорила Элиза, "кто пишет спир, тот и старуху покинул": почерк, читатель, почерк /литература/.

Я ни в коей мере не хочу сказать ничего дурного о Марке Морозове, Смирковом и Волохонском, хотя бы потому, что последний с тех пор успел отсидеть срок. А двое первых еще в заключении. Кстати, именно во время суда над Смирковым к нам с Валентином подошли И. Е. Фоминова; сидела она и на процессе Волохонского в Ленинграде, "по собственной инициативе", а Невесельцеву тогда не приглашали на следствие и суд как свидетеля; не такая, выходит, Лера "благословленная", чтобы совсем ее от подобных процедур отстранять, другое дело — показания ее, видать, не понравились. А вот система о Невесельцеве после того, как "выбрала" ее, что ее пустыл, оказалась живучей: анонимному было выгодно находившимся раздувать скандал.

"Авария радиосвязки", — мало выглядит применительно к антисемитам. Итак, Узлов ушел за границу в первых числах апреля 1979, оставил "за себя" Чайковских. Утверждают тем потому, что именно последний был, кроме мужа и меня, единственный привлечен на преводы в Москву — с уральцами Узлов уж непрощается. И вот как тот Чайковских об этом выразился: они-де С ... /Фамилии/ человека, некогда пребывавшего по всей стране в задолженности, пропускно/ с именем морду Невесельцеву в аэропорту на преводах Узлова. Начнем с того, что инцидент состоялся не в день вылета "преводческой", а накануне, и не в аэропорту, а на квартире, к которой, в присутствии супруги и меня, действительно бросился на Валентина, причем другие друзья мужчины /Узлов, Чайковских/, вспоминали. До мордобоя, следовательно, не дошло: Невесельцева также над собой /или о ней, тем более женой/ Чайковских, хоть и вдвоем с кем он то ли был, никогда бы не позволил /да еще при двух женщинах, чай, и я бы умолчала/. Именно после этой стычки муж, очень обиженный и успевший таки "извратиться" /мы же присядели какое-то время мирно за столом/, сказал мне ее слезами на глазах: "Я — единственная личность".

Как бы там ни было, позавтра Невесельцев в аэропорту не был. Батя и я изменили Чайковских: принес замятый мужем пиджак и... звезды позабыли, чтобы на первой состоявшемся у нас для через два сбоку /4 апреля — отсюда впечатление другие даты/ окзалось, что пали.

Ну и основное то было! Преводился нашим знакомцем, "дотошним" Бурцевым из Минпрокуратуры, "раскрутившим" Петрика и Неронова. Ах, с какой-то "хуждостью", типа инженерства. Первый вопрос: "Золото и фольга есть?" Тоже не проще "для почты", поскольку Узлов, в частности, на недорогой памяти проводки, рассказывая, будто у Валентина есть и есть зарядные револьверы, such что эти проходят в "компании "Кальсониада"; были еще случаи, когда незнакомые лица, числом много больше двух, схватили Невесельцева возле дома и профессионально обнаружили. Довольстившись, лежко доказать, что револьвер у тебя есть: взял да выпустил, а вот что не т — труднее/.

Невесельцев честит за Чайковских еще несколько страницами поступков: будто бы приводил к нам уже после обмана с магнитофоном в кармане плаща Чайковских по профессии журналист; пресил Невесельцева расписаться в казенной бумаге /уголовно наказуемо/ — все это я прочитала фантастикой, а выше верю /литературе/. Глупое, прояснилось, и оно было выгодно выуть воду. Ведь система о "преступстве в аэропорту" передал наш Кувакину — лично, наверно повествованием, среди диссидентов же достаточно к тому времени немалоизвестное /я познакомилась с ним у Смиркова после упомянутой "депортации" Валентина в Кемерово/.

Тот же Кувакин показывал нам публикацию с Новосельцеве в эмиграции в газете "Русская мысль", упоминающуюся на последнем процессе, но без раскрытия содержания: спать сплетнях об угрозах Сахарову и детям Глинзбурга, с прямым упоминанием на Валентина /причина тому, что проводили Узлова, хоть обстоятельства были злостью переворота, кончавшись для нас и вправду немирно/. Личность Кувакина теперь всем ясна из его собственной статьи в газете "Телес Родины" - "Правозащитное движение: мои и роскошь". Диссиденты /настоящие/ склонны думать, что они были завербованы раньше своего места /весна 1981/, находясь из протокола в т о р е в о б и с к а у нас, состоявшегося 14 апреля, проводили будущий зам. нач. и т.д. "Копаса". Но мне предположить и что Кувакин - просто суетный человек, которому льстило знакомство с ими /Бидессом, Блашинским, а также иностранными корреспондентами /всех, кого мог, он "запомнил"/, дрогнул на следствии. Между тем, именно Валентин раньше всех заявлял, что Кувакин в движении - лишь случайное.

Надо удивляться хладнокровию Новосельцева /столкнему/, при его характере, немалого напряжения/, когда он пытался анализировать каждый факт /и только стройная система, как очерченная здесь мной, у него не складывалась/. Ведь и нас /это же не вымоели, просто никому было тогда рассказать/ занимали знаменитыми угрожающими письмами и высыпаниями исправленных лиц, которые то высказывали Новосельцеву "поддергну" против Сахарова, то отпускали антикомитеские ролики, то клянчили прокуратуру и Ходоровицу. Особенно стяжательное впечатление произвел некто Титов, пустивший скандальную сплетню, будто мы с мужем наших же ладим/. А между тем Валентин был, действительные, единок, потому что я его "Западноевропейских настроек" никогда не поддерживала. "Откуда ветер?" - задавалась мы вопросом. Я называла это словом: "из ГБ", не подозревая о существовании "оси" Узлов-Чамовских-Кувакин /хотя это, собственно, все одно/.

А что ГБ? Неужели органы не пытались "погреть руки" на ловко застолбленной сваре? Пытались, но - департамент слишком разветвлен, внимание наблюдалось несбалансированность между "правой и левой". Новосельцева было решено закрепить за Кемеровым /и там-то он один, да виду, надо переделому "большому дому" кем-то заниматься: Валентина развесели, представьте себе, к генералу /начальнику управления/. Вместе сидели мы сильне. /В эти месяцы и раньше Валентину помогали уральцы/ Еще один знатный из-под Кемерова - Патрик /и т.д., т.д./. Еще /и еще/. После того, как на первом общем /Валентин уже легализовался и устроился на работу/ было найдено письмо Новосельцева к Сахарову /отрывки из него зачитывались на процессе Ефремовым/, органы сделали несколько неуклюжих реверансов в сторону автора письмения /которое, впрочем сразу, предназначалось не им/: оригинал я лично отнесла в посольство, еще на улицу Чкарова/. У Новосельцева появился свой "мир": я выдала и кемеровского, и московского, последний раз - и "клуб" /все время процесса - все, и забывает, забирая мой 10.01.83 Валентина из дома, якобы для "беседы" - все ли одни люди/. Этот "мир" и еще кто читал рассказы Валентина, прижалась к нему центрально в гостиницу "Россия", где пытались изучить деньги, угощать коньяком, и как было упомянуто, заходили к нему на работу с приложением "защиты", если вдруг сократят. Новосельцев стыдился таких "ухаживаний" пуще всяких сплетен. Прежде всего, решительно отказался от /и неизвестных/ вестника /послав с этим поручением меня; рассказы мне не отдали, но и его больше не приглашали/. Наконец, его отложили покоя на донесение по делу Великановой /поставила все на место. "Командировка" на время Олимпиады, санки, "выживание" О росты, письмо Узлова - все тоже неподдельно, зато издана определенность/.

Третий день процесса, 4 октября.

Завершим предыдущим обширным экскурсом окончание обзора документов. Ничего нового: Солженицын так и не написал. Переходим к делам сторон.

Речь прокурора Чистякова не отличалась особым стилистическим умельством, она же строго деловой. Все пункты обвинения, как то 1) умысел, 2) распространение литературы, 3) ее "антисоветский, клеветнический характер, 4) высказывания в их характер - он признал доказанными. Отрицание Новосельцевым части своей вины, равно как обещание выйти "на политическую линию" и стремление отвести часть обвинителей /Н.Ф.Новодворскую - по "непайденскому Солженицыну", Арьянцева, Игоренкова, Петрова - по "высказываниям" путем их свидетелей/ спорчения, прокурор расценил как хищение подсудимого с целью уменьшить наказание. Новосельцев в этом заинтересован - свидетели же ничего против него лично не имеют, предпринятие ПССТ /которое тоже, видимо, лично не заинтересовано, поскольку это же лицо/ имело в сопровождении "своих" свидетелей характеристиками - у суда нет оснований им не доверять.

Выведив таким образом подозрительный состав преступления по ст. 70, ч.1, прокурор не объяснил, почему он требует не максимального наказания, предусмотренного этой статьей, а именно 5 /а не 7/ лет лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима и 3 /а не 5/ лет ссылки. /Давая этим понять, что "состав" даже в таком виде "до полной не тянет"/. Освинальная речь изложена.

/А прокурор-то Чистяков меня надул! В "хитром" ответе на мое заявление от 28.09.83 значится, что заявление проверяла Прокуратура, а изрученный в ходе предварительного следствия не установлен суд. Но поскольку Чистяков и там, и там - един в двух лицах, получается, что проверки никакой не было, равно как и суд, в смысле судья Байкова, с упомянутыми выше пунктами содержания заявления ничего не знает, хотя большая часть фактов, на которые я опиралась, закрылись именно в процессе слушания "дела". Видать, мы с прокурором Чистяковым по-разному смотрим на то, как должно проводиться следствие. Предполагая это, я предназначала для него копию, а обращалась в отдел надзора, - ну, я же ему!/?/.

Вместительное слово адвоката Ефремова.

Окрестив тем, что часть работы уже сделана - сам государственный обвинитель требует меньшего наказания, остается только обосновать, О.Н.Ефремов совершил ужас и ужас моей точки зрения, - Р.У./весь зачитывает цитаты из члененного в предыдущем очерке /который для того и введен/ "Письма Новосельцева к Сахарову". Остальные аргументы заслужены; Новосельцев - хороший производственный, это отмечали и свидетели; амортизованный им стенд демонстрировался на недавней выставке спортивных товаров /о которой Банкетин узнал уже из газет/, он /Новосельцев/ принимал участие в подготовке Олимпиады-80, был за это премирован, о чем есть запись в трудовой книжке; мать Новосельцева присутствующая на суде/ - старая, больная женщина, жена - инвалид 2-й гр. находилась, пока муж работал, фактически на его квартире. Адвокат просит суд принять все это во внимание /и, очевидно, хотят пригнать скаже не было, назначить еще более мягкое наказание, чем требует прокурор/.

— Зачем вы это сделали? — спросила я "в кулуарах" Ефремова, имея в виду цитаты.

— А кто сказал? — ответил и ехидный в этом эпизоде, но все-таки теплая известного режиссера. — Вот если бы корреспонденты были... Совет...

— Так они склонутся. Нет ничего проще, чем оставить процесс ретроспективно и расширить цитаты за счет того, что, может, в "Письме" и не было. Вы ведь знали, откуда оно?

рь" / "Книжка для Новосельцев" / "Черновый куст" / "Де бро-
рь" / "Вздох на обнажь лист" / "Лирика", если умножить. Всё это краяне Борис
- Я чья инициатива привести к делу: следователя или Новосельцева?
- Сами знаете. / Депония, выходит. - Р.У./
- Вы должны были прежде всего протестовать, что в "Де-
ле" включены не относящиеся документы.
- Хорошего вам с Нас мнения: протестовать; нам "дело" дают уже под-
чины. / Видать, я спутана, пасмуревши по телевизору нестаканку
"Радио-Бибио". Это там защитник: "Я протестую! Я протестую!" - никто
с ним не считается. Борисов же оставляет за собой право "возвращать";
вернее, "и е": "Когда суд найдет нужным, защита возвращать не будет". Р.У./
И потом / продолжает он/ ведь мы оба заинтересованы, чтобы вам муж по-
лучил испытание...

Так мы торопились, не между собой, а каждый со своей
сознательностью. Я спать же не хочу, чтобы читатель / недоброжелательный/ мы
какой уж есть/ плохо думал об Еремине: его положение "между двумя
стульями"/ МГКА и упомянутая совесть/ - плачевно ее всех точек зрения.
Единственный выход / "Не бойся любое не берись" / - и то же самое
в перестановкой "однаждыых"/ - не приниматься более за "семидесят-
ку". Но кто ж тогда возьмется?

Итак, если читатель интересуется, был ли тут склероз / между под-
судимым и адвокатом/, ответу: за Новосельцева не знаю, а со мной
был /хоть в очень мало это не пришло/сь, надеялась, правда, что до
этого во всяком случае не дойдет/. Единственное мое условие было:
чтобы не исходило от Новосельцева. Вам, раз вы считаете Этим все-
кими аргументом защиты, и запретить не могу; он же должен знать,
как и до каких пор - в рамках и не есть. Одно дело: "домашний
сбор славян между собой", другое - небывальность, т.е. суд, следст-
вие, официальная печать.

Неследнее слово Новосельцева опрокинуло весь макар "жадный де-
парт" / да прости меня "все-таки уважаемый, к тому же тезка" и т.д./
и расчеты на сбавку. В противном случае эта работа никогда не была
бы написана. Но мне же хватило следующего звуна / пока не разобрана
ляльза/ за начинку не села/: надо было учиться для себя то, в
чем Новосельцев вряд ли признался бы. Его мотивы. Мы обрисова-
ли условия, в которых создавалось "Письмо к Сахарову" / лето 1978-на-
чало апреля 79/. И другие подобные афиши не были / "загробными"
аподиумами в последованных в нашу задачу не входит: мале ли что "под
мено" работал/, расстановку сил, пытающихся им / или "на нем"/ спре-
ратить - в все же никто не видел его авторучки. И тут, чита-
тель / "не- добромолателей", как он мне называл, да какой уж есть/,
я даже не призываю вас / при всей предполагаемой интуиции/ закрыть
на время дальнейший текст / так дороге мне само доставшее это открытие и столь специальным показатель/ - все равно не догадаешься.

Новосельцев просто завидовал / помимотелько к нему точнее: ре-
альное / "какой известности..." / - тут же подхватит читатель, до-
статочно здесь охарактеризованный. Э, не только. Речь ведь не о ли-
тературной известности "тезки-Распутина", а несколько ином предме-
те - о чужом подчинении же речь. Он же мог простили... С
Движенiem, как это неследнее без него обходится, теряет в своем лице
деятельного и верного соратника. Перечисляя случаи отступничества
в рядах диссидентов, от Петрова-Анатова до Кувакина / "ее вдохнови-
телем", - мне тоже, читатель, так тогда казалось/, он, на самом деле,
был уверен, что на их месте вели бы себя иначе. Он "перебирал
ногами", северная и южная преститильные ошибки - от не-
терпения: видим "чайки минуют". Лучший подарок Новосельцеву от Совет-
ской власти / от всех прочих: свобода и хорошая работа по теперешней
специальности; легальное завершение образования, даже аспирантура,
и занятие гуманитарными дисциплинами, опубликование рассказов/ от
всего этого он бы не отказался и принял как должное/.

итак, лучший подарок для Новосельцева, его "терновый куст" /"Не бросай меня в терновый куст!"- просил, если помните, Братец Кролик Бранца Лиса в "Сказках дядюшки Римуса"/ - это приговор по 70-й статье.

"Они не дадут мне трудеустроиться и судут "крутить по тунеядке", - "или устроят прокуратию и иссядят "по хулиганке", - беспокоился он с полным /как вы знаете/ основанием/ И еще /патетически/: "Арестован меня из 70-й статьи, они восстановят мое репутацию /имеется в виду " среди диссидентов", -Р.У./, - здесь он был прав. Путь в Дин-Жениховы преградили ему подробно изложенные выше обстоятельства. "Нестоящие" диссиденты считали его либо прокуратором, либо сумасшедшим /по подозрению Узлова/, и никто - искренне заступающимся человеком. Теперь им предстоит встреча /не радостная для Новосельцева, уже обещано, будто я сама не понимаю!-Р.У./ в Несермских лавах. Но я верю в него /он легких путей не ищет: трудности мобилизуют такой характер, и тому /каждый должен отвечать за свои мысли/ - и в Дин-Жениховы дистанции /при всем их, как он выражается, "хрупком склоне"/; и/or еще: "всёя тем и сильна, когда в куче", - это, да простится мне, не в бровь, а в глаз,-Р.У./. У них будет теперь много времени, дожидаться отмены. А теперь, с легким сердцем, зайдя в краяка, в аптеку и пр.

ПОСЛЕДНИЕ СЛОВО НОВОСЕЛЬЦА,

которым он избрал, даже царствование перечеркнул ^{выступивший} ~~быть~~ /"Прекраснодумного"/ Воронова, а заодно и "дедовога" прекрора /и не только по части красноречия/: "Меня, - заявил он, - СРОКОМ НЕ НАПУГАТЬ"; - добавил он, правда, не о этом.

Немного о том, как он говорил и как его слушали. Прежде всего, блаженный /без кавичек/ Новосельцов поторсвал переносчики "Неследнее слово" на завтра, на том основании, что его снять /как и накануне/ не корысти, хотят заставить заявление - во всем было отказано. Всех тот же "терновый куст" и предчувствие торжества/. Он говорил спокойно, казалось, импровизировал, на самом деле, следя железной /к сожалению северяне не воспроизведим/ внутренней логике. Ясно, что хотелось давно /могло сказать, всю жизнь/. Судья без конца перебивала требованиями "говорить по делу" или воздержаться хоть здесь от апелляций, на что он: "Так вы лишаете меня Неследнего слова?" - или вдруг, с ласкотью, при этом бросил стрельнув в ее сторону светлым, спиральным /длинным/ /дайте представить/ правым глазом: "А вы избавьте ме", - или /спокойной/ - "Не буду вас утомлять и перекинуть следующему вопросу", - спокойно считывая их /составленные вопросы/ с противоположной стены. Даже убийцы, сидевшие там до сих пор со скучающим видом, честно отработавший деньги и следя в основном за мной, явно заинтересовались /пользуясь этим, я скрочила "распорядителю" примасы, - Р.У./ Судья, где-то уж ближе к канцелярии. Новосельцов, я не дам вам превращать суд... Одни из губернаторов, самый "трудастый", круглодный, с /чуть не сказала:/ "руссельским" бородой: в трибуну.

Итак, в начале "Неследнего Слова" Новосельцов выразил суду сочувствие, что перед ним нелегкая задача. Обычно при разборе аналогичных дел на его месте предстает либо "классический зубами широкий антиобщественный", либо человек, морально /а также идеально/ раздавленный, деградированный /Новосельцов чаще выражается, "деградированный"/. С этими ясно, как поступить: первого заслать подальше и на подольше /и/ второго слегка пееечь и оказать смиление - такой не страшен.

Он же /Новосельцов/ - ни то ни другое. Он ли чистота. Далее, видимо, и прозвучало гордливое: "Меня сроком не напугаешь", - с мотивом: "Мы, спирки, все такие".

Новосельцев /пока не мешала судья/ успел остановиться на своем действе в глухой и голодной деревне военной поры: многое его сверстников, как и несколько маленьких братьев и сестер в их семье, тогда погибли; но из тех, кто выжил, как раз и получились ли чистые.

Он не случайно согласил на процессе свое приветствие Мадридской встрече, уделившей столь большое внимание Правам человека...

Судья. Новосельцев, какое отношение к вам имеет Мадридская встреча?

Он. Вы потому считаете, будто не имеет отношения, что там фамилия моей умершней матери? Вы правы: моей фамилии /в документах Встречи/ нет.

Итак, он считает себя, в известной мере, борцом за Права человека, хотя бы потому, что за свои собственные права. Он всегда хотел учиться /легально/ и работать, а ему не давали. Началось, если помнит читатель, с исключения из института за выпуск стенгазеты; потом несколько месяцев учительствовал в рабочем поселке, им очень большую нагрузку накладывалась, не решаясь, как человек незроманный, попросить в долгу до первой получки, которую, кстати сказать у него украли, в результате - молодильный юморок, а техника показала, будто он был пьян, - эта, последняя версия вошла в одну из зачитанных на суде характеристик, уволился по собственному желанию - потом листочки в Братске, а далее с труду устроиться стало еще труднее/.

Новосельцев. Например, в Артемовске /куда он попал после фактического побега из ЮУМ/, где на него написал донес хозяин, у которого он квартировался; друзья уж потом засчили его выписали и прибрали паспорт. Я устроился во ВНИИСоль, работа меня увлекла /внес усовершенствование в конструкцию упаковочного комбайна/. Внезапно за меня приехали, вызвали к кабинет директора и увезли без ордера на арест и объяснения причин, правда - я сопротивлялся. Рубашку на мне порвали, а она была старенькая, и ее любил...

Судья. Новосельцев, вы спать агитируете. Вы рассказываете, какая плохая Советская власть.

Он. /после одной из реальных, вынесенных вперед, продолжает/. Я объявил голодовку. Чтобы сорвать ее, меня подвергли психиатрическому обследованию в больнице, в Днепропетровске, где пытались искусственно насиловать, корить, варварским способом, кроша вуон.../Судья перебивает/. Мне годовалой голодовкой я добился освобождения /называет точную цифру:/ кажется, 12 суток/. А когда приехал в Артемовск электричкой и /очень медленно, с остановками, хоть и миними близко/ шатаю ветром, - попадает он/- довел до предприятия, там его издал приказ об увольнении "за прогул" именно этих шутых 12-ти суток. /Новосельцев умалчивает,- чтобы панти темящегося там, может и не сей день, в одной из цыганских С п и н е и к о - начал, за что сам поплатился,- Р.У./. Тогда /заканчивает он этот эпизод/ я сел в поезд, взял свою испорченную трудовую книжку /может, не первую, во всяком случае, не последнюю,- Р.У./, первая и выбросил в окно вагона.

Так же и в других местах работы - все ило хорошо, пока не вмешивались органы...

Судья. Получается, что все ГВ /кажется, так и сказала,-Р.У./ бегали за вами.

Новосельцев. Я и не утверждаю, что сам Комитет меня выгонял. Одного интереса же мне с его Комитета/ стороны, а также что вообще чисто не реезжал с целью трудоустройства /подозревали же, что не только/, было достаточно, чтобы насторожить начальство на местах.

Кроме того, я разобличал свою /местное начальства/ злоупотребления, что тоже не нравилось. Так, в Кемерове, в объединении "Рембыттехника" начальник, откровенный, как и заметил, куда-то "налево" электромоторы якобы в "металлолом", предлагал начальнику мне самому уволиться. Я попросил оторочки, мол, напишу заявление после обеденного перерыва. А когда в изложении время же мне подсмел, сказал: "Берите - вы авторучку напишите заявление с /собственном/ уходе, а я завизирую". Там меня посы

Доказать и пытаться разъять по статье, якобы за вымогательство, не разбирая относиться ли это преступлению — я восстановлялась через суд, и восток был за окно убит. Новосельев мог бы еще рассказать, что администрации не разрешила начинать другое следствие. Начальник одного КБ, находясь в Новосибирске, где тот, в сущности новосельев, стоял хорошо собой зарекомендовал, спустя же время по окончании второго изобличительского заседания, начал свою деятельность, когда ярославцы, что подселялись устроились на работу, не будучи якою-либо и. с. с. и. ничего не было: кончилось увольнением "по собственному желанию".

Омская листь журн./ извещение о процессе. Искрица, тем, хотя перед этим суд в определенном моменте упомяну "Былый", сам упомянул различную, выступившую за Новос. И так, тому подобающей конфликтующей стороной не только он собственные проводил за чужой счет, также против властных кругов обладавшей администрации. Он делал это в каких-то судах и т. д., то есть занимаясь тем, кто сам себя так называет. Новосельев не покинет/, а как избранный, жалованье и т. д.

Но первым гостю "Правда", — продолжил он, — из изложенных выше обстоятельств, но сравнению с которыми течение любой склонностидей ныне входит на то же самое указанное //соборы магистратов и избранные избранные общеинтеллектуальной молодежью", только "единицей и единицами, равной и с.

Новосельев еще в начале процесса с большой вожделей отозвался о происшедшем у нас /при новом руководстве/ переменах /тут мы с ним не расходимся! — Р.У./. Но, в "Лебедове" читают, что свершилось еще одно Революция, разная называемая Октябрьской. В "Последнем Слове" он показал зевое несколько иной оттенок: и с вялостью судья удаст ся в "Лебедове" на этот счет — искрот его процесса не проходит.

Он все разнострии вспоминает на том, что диссидентами на самом деле являются значительные силы наших современников и общественных деятелей, имена которых так себя называют. О движении "культурным" он тоже говорит, что это "подъем". Сверхсияние безвсюднительны! Один лектор Ильинский, передачи по которой делают ему, что он является "человеком", фамилии ли он и тех, кто в торымах, либо только находящихся пока на "переди-нейзистике" — Р.У./. Там в общество, — продолжал Новосельев, — задает себе: "точка зрения" этого "изобретения"/ книга у всех такие любые. Но центрально "крупные" в Гадле не тому учили, — Р.У./. Они /анекдоты-кусники/, если же тоже покидаются к новому руководству, слова, как и после пары /т. е. Октябрьской/ временных /документов/: что некоё оно не идет. Это /пойдет ли Пятнадцатый за Четвертым/ или, думают, не идет, остается сомнительным. Документом "участник" и левые избранных диссидентов /состоит же земляк, как заявляют Новосельцев, от результатов его/ и пропагандиста Гадле. Известно, что Новосельев учащийся в конкретности его профессии "руководитель политическую школу" из художественной, "сроком на пять лет". Но, и это /так/. И.е. никак не зависимость от результатов процесса, а это "цена этому обещанию", /значит, что/, и суд, который /о нем не верит.

Несколько замечаний, неожиданное место в "Последнем слове" — наказание, которое предупредило всех /все подсудимых/. Словом, неожиданно "Апология Сократа" /и даже не слишком ее в исполнении Р.Клюниера/. Или в "Лебедове" предупредили. Тем, по отзыву В.Новосибирской, "пренебрежим опровергнули" — Р.У./. Он /известность/ приносил с собой изморозь, исключая, так что Новосельев требовать не мог. Так вот, он считает, что за то, что он /также/ /и т. д. и т. д. виновен, достаточно срока /в исполнении/, предупредившим /предупреждением/ земляки //и виноваки/. У, подходит к горлу звонучими //и в этом звучит извести/ /дикими/ на свет — в те

Юрий, однако, сознает, что у суда, скорее всего, иное мнение по том, какого наказания он достоин. И, хоть " сроком его, спать же, не напугаешь", присутствующие здесь мать и жена...

Судья. Новосельцев, если вы таким образом будете переговориваться со своими родственниками, я удашу их из зала.

Он словно не замечает жены и мать делали отдавать себе отчет, что тот первый приговор может оказаться не последним. Сейчас пенила слова сказал и однажды отправлять осужденных по этой статье, но отбытии срока снова на суд - и в землю.

Не си ли о чем не халеет. Равнодушия /для чего использовался литература/, которой снабжал Чеверев /о социальных корнях диссидентства, он понял, что путь его личной /и типичной/. Его погоняла сама действительность. Он начал разбрасывать листовки в Братске, не прочитав еще ни одной подобной книги, не зная слова "диссидент", не подозревая о существовании подобных ему и политических лагерей. Там /еще в Мордовии, в Потьме/ завершилось его избрывание.

- Мы ссыпались туда со всех концов страны, - начинает он декламировать явно цитируя какую-то из своих написанных или только задуманных работ. Молодые, в основном, люди, разночтимы, всех оттенков мировоззрения: приверженцы различных религий - и неверующие, марксисты и монархисты. Среди нас были представители множества национальностей...

Судья. Может, имение на этом месте вдруг не выдерживает, вспахивает, захленивает пашни/. Суд удается на собеседование.

ПРИГОВОР

В перерыве, который всегда бывает очень долг, я заняла последний "обозаар", чтобы дали покормить Новосельцева. Не дали - зато увезли в "Лефорте". Если и там не было места, хоть преехался, а не пресидел это самое томительное время в "собачнике"/.

5 лет лагерей строгого режима и 5 лет ссылки /те есть набавили-таки 3 года, правда, ссылки в сравнении с тем, что требовал прокурор - явно за "последнее слово".

Еще интересный момент: определение по поводу "литературы" и "серий поцарапаний" кадрирующей рамки. "Произведения, оригинал и две фотокопии - оставить в "Деле" - рамку отдать в КГБ".

Немного о том, что сказал/и/ "зам нач и т.д." Конев, а за ним "младший ст.лейтенант" Бурдюков - тоже зам. нач., только изолятора "Лефортово", что ответила я.

Конев./Бурдюков/ Вы же не станете утверждать /стрицать/, что Новосельцев - /не/ враг режима, в общем /запутались в "не"/, что он вполне рабыни.

Я. Этого не стану утверждать ни о нем, ни о себе.

- Видите. С такими я надеюсь!

Я. Не предлагаю! Только первая "посадка" - за дело, две последние спровоцированы. Мой муж не причинил и крохоту личного ни физического, ни материального, ни материального ущерба. Он враг - на прямую - государства /вернее, "Нового класса"/, мы требуем, чтобы нас уважали /о: тем же толковала и Цензуру, не имея в законе уважения/.

Не для завершения труда, герой которого - Новосельцев, последний /последний/ пособник беды. Читатель /какой уж есть!/ Я немножко завидую /ревную к/ вам, хоть и халь мне, что не было вас на процессе. Я поделилась с вами основным открытием - открытием человека. Перед вами прошла в основных моментах, начиная из которых явился суд, жизнь /а то "изгнание"/ Новосельцева. Самого высокоразвитого, храброго, талантливого, фантастического... продолжила бы я, да неудобно: все-таки муж. До сих пор его знала одна я, лучше даже, чем мать, родившая на свет - и тогда блестательного и геройского процесса не складала. "Дорогая мама,

" 22.06.84.

Своловъ I Габистская

- 39 -

шкура !

Сказали мне адвокат Ефремов, - что лучший ход в ссылке за удовольствие открыть себя в письмах своей жене". Новосельцов, однако, в обычной обстановке - "проф", то есть очень деревенский мнением о себе хороших людях /узнайши, что Сагарев прочел эту запись, будьте уверены!/ - в духе "Городничего" пишет жизни о том /и об этом/ забывши. Ведет себя как будто /а хорошо/, начиная что значе не может. Значит, он им занятчиши /и/ без преувеличения прохвач. Перед вами Новосельцов, каков он быть про твои прямо

персона, что Балочкин про твои прямо

персона, что Ушлова - уклончиво;

сказали, а вот про Ушлова - уклончиво;

莫斯科, но и друга стыте. У тебя либо 30 октября 1983.

ссовна. Знаешь какое число сегодня?

мыс тогда без предупреждения напали, Роксанна Урбан.

я же тебе объявляю беспощадную